

63.52
В310

В. И. ВЕРБИЦКИЙ.

АЛТАЙСКИЕ ИНОРОДЦЫ

N 603

АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ

СБОРНИКЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И ИЗСЛЕДОВАНІЙ

АЛТАЙСКАГО МИССИОНЕРА,

ПРОТОИЕРЕЯ

В. И. ВЕРБИЦКАГО

ИЗДАНЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМЪ ОТДЕЛОМЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІЯ
И ЭТНОГРАФІИ, СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТЕ

подъ редакціей

А. А. ИВАНОВСКАГО.

МОСКВА.
1893

63.52
B310

Алтайскій миссіонеръ, протоіерей

В. И. ьербицкій.

(† 1890 года 12-го октября).

603 ✓

Национальная библиотека
Республики Алтай

ОТ РЕДАКЦІИ.

Въ засѣданіи Этнографическаго Отдела Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, 12-го марта 1891 года, нижеподписавшійся внесъ предложеніе объ изданіи отдельнымъ сборникомъ этнографическихъ статей и изслѣдованій покойнаго алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго, мотивировавъ свое предложеніе, во-первыхъ, темъ, что подобный сборникъ, составленный изъ статей, разбросанныхъ по различнымъ, часто мало доступнымъ, изданіямъ, будетъ имѣть важное научное значеніе, заключаая въ себе пока единственное столь подробное и разностороннее описаніе быта алтайцевъ, какое сделано покойнымъ о. Вербицкимъ, а во-вторыхъ, и темъ, что изданіемъ этого сборника достойнымъ образомъ почтится память неутомимаго труженика — этнографа, всю свою жизнь посвятившаго безкорыстному служенію науке. Отдель отнесся очень сочувственно къ означенному предложенію и въ томъ-же своемъ засѣданіи сделалъ постановленіе объ изданіи этого сборника, поручивъ нижеподписавшемуся какъ редактированіе сборника, такъ и составленіе біографіи о. Вербицкаго. Не имея необходимыхъ средствъ на изданіе сборника, Отдель постановилъ открыть предварительную подписку на него, назначивъ цену последнему въ 2 руб., о чемъ затемъ и было объявлено въ издаваемомъ Отделомъ журнале «Этнографическое Обозреніе», 1891 г., кн. VIII. Вскоре-же после этого отъ одного лица (въ Москвѣ), пожелавшаго остаться неизвестнымъ, Этнографическій Отдель съ глубокою благодарностью получилъ на изданіе сборника 300 рублей. Сослуживцы покойнаго протоіерея, алтайскіе миссіонеры, узнавъ о предполагаемомъ изданіи, также оказали посильную матеріальную поддержку и сделали предварительные взносы. Последніе получены: отъ Начальника миссій Томской епархіи, Бійскаго Епископа Владиміра (5 руб.) игумена Иннокентія (3 руб.), іеромонаха Иннокентія, А. Ѳ. Капелькина, С. А. Петрова (3 руб.), священниковъ: П. Бенедиктова, С. Борисова (3 руб.), С. Ивановскаго (4 руб.), В. Ландышева, І. Никифорова (3 руб.), І. Никольскаго, Г. Оттыгашева, Т. Петрова

(5 руб.), В. Постникова (3 руб.), С. Постникова, В. Россова (4 руб. за 2 экз.), К. Соколова, В. Тозыякова, М. Турбина (10 руб. за 4 экз.) и I. Штыгашева (3 руб.). Предварительные взносы получены также отъ следующихъ лицъ: Президента Общества Любителей Естествознанія, проф. Д. Н. Анучина, Председателя Этнографическаго Отдела, проф. Вс. Ф. Миллера, товарища председателя того-же Отдела В. М. Михайловскаго, секретаря Отдела Н. А. Янчука, проф. Н. Ф. Сумцова, А. М. Головачева, прот. Арс. Ивановскаго, А. А. Ивановскаго, И. С. Ландышева (3 руб.), Е. А. Ляцкаго, книжнаго магазина Михайлова и Макушина въ Томске (10 руб. за 5 экз.) и Харьковской общественной библіотеки.

Матеріаломъ при составленіи біографическаго очерка служили: некрологъ о. Вербицкаго, помещенный въ «Этнографическомъ Обозреніи» (1891 г., кн. VIII), две статьи игумена Владиміра Синьковскаго и священника Василя Постникова въ «Томскихъ Епарх. Ведомостяхъ», 1891 г., № 9, письма покойнаго къ протоіерею Арсенію Ивановскому и две заметки, предоставленныя въ распоряженіе редакціи гг. Головачевымъ и Вольскимъ.

Доставленіемъ прилагаемаго къ сборнику портрета о. Вербицкаго редакція обязана художнику М. С. Вольскому, лично знавшему покойнаго миссіонера. Портретъ сделанъ г. Вольскимъ съ фотографическаго снимка, снятаго съ о. Вербицкаго А. М. Головачевымъ въ Чамале въ 1890 г., т. е. въ годъ его смерти.

Весь доходъ отъ продажи сборника, по постановленію Этнографическаго Отдела, будетъ употребленъ на изданіе новыхъ матеріаловъ или изслѣдованій по этнографіи сибирскихъ инородцевъ.

Ал. Ивановскій.

**Алтайскій миссіонеръ,
протоіерей Василій Ивановичъ Вербицкій.**

Жизнь покойнаго алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго служитъ высоко-поучительнымъ примеромъ того, что можетъ сделать въ глухомъ, заброшенномъ углу человекъ, ищущій деятельности и желающій принести посильную пользу какъ окружающимъ его, такъ и науке. Сынъ дьячка Нижегородской епархіи, В. И. Вербицкій, по окончаніи курса наукъ въ Нижегородской семинаріи, занялъ сначала место учителя, но вскоре-же оставилъ его, поехалъ въ Сибирь и здесь, 12-го января 1853 года определенный на службу въ Алтайскую духовную миссію и 17-го іюля 1854 г. рукоположенный въ Томске во священника, всю свою жизнь (около 37 летъ) посвятилъ миссіонерской деятельности на Алтае, неутомимо трудясь въ то-же время по изученію местнаго инородческаго населенія. Прослужить 37 летъ въ Алтайской миссіи, — говоритъ игуменъ (ныне епископъ) Владиміръ, — въ особенности въ первые годы нищенскаго матеріальнаго ея существованія, когда она не имела никакихъ средствъ, когда она питалась, большею частью, теми крохами, которыя собирались по домамъ москвичей целый векъ свой хлопотавшимъ о миссіи, незабвеннымъ протоіереемъ Николаемъ Лавровымъ, когда Алтай представлялъ во всехъ отношеніяхъ несравненно больше трудностей и для миссіонерскаго на немъ деланія и для жизни делателей, — поступить на Алтай въ такую пору и затемъ прослужить на немъ 37 летъ, мы едва-ли ошибемся, если назовемъ такое служеніе подвигомъ. О трудностяхъ миссіонерской жизни самъ покойный протоіерей писалъ однажды следующее: «Делать одно дело, делать его не годъ, не два, а целыхъ три десятка летъ — требуетъ отъ человека постоянства и особенной любви къ избранному делу. При благопріятныхъ условіяхъ всякое дело становится легкимъ и даже пріятнымъ. Не таково дело миссіонерское: это — война безъ перемирія. Какъ въ военное время солдатамъ нѣтъ возможности пользоваться разными удобствами, такъ и миссіонеру объ

удобствахъ помышлять не приходится. Едетъ онъ и весною и осенью, и летомъ и зимою, и въ вѣдро и въ ненастье, не въ какомъ-либо крытомъ экипаже, а на седле, будучи подверженъ всемъ преложеніямъ воздушнымъ. При ясной погоде, летомъ, езда безопасна. А во время дождей? Намокнетъ путникъ до костей, а тутъ надо карабкаться на переваль, где отъ страшныхъ ударовъ грома на глазахъ валятся разбитыя деревья и конь отъ страха падаетъ на колена; затемъ надо спускаться внизъ, по страшной крутизне. Подниматься въ гору не такъ страшно, — не упадешь; спускаться же, тутъ-то и жди неприятности. При малейшемъ неверномъ шаге лошади путникъ обыкновенно падаетъ. Хорошо, если только выпачкается въ грязи, а часто бываетъ и хуже. Можно изувечиться, или, въ лучшемъ случае, ушибиться, что нередко случается.

•Весною и осенью весь мокрый, дрожащій отъ холода миссіонеръ жаждетъ, где бы отогреться и обсушиться. Въ этомъ положеніи разстояніе делается, т. е. представляется, необыкновенно большимъ. Наконецъ жилье человеческое — юрта. Лучше нетъ и негде искать помещенія. Надо обсушиться. Приходится снять съ себя все мокрое и сушить на огне. Благо тому, у кого есть запасная одежда. Большею-же частію бываетъ такъ: пока одежда сушится, путникъ облекается въ хозяйскія одежды. Тутъ известныя насекомыя съ жадностью бросаются на гостя.

•Во время поездокъ, и обедъ, и ужинъ, утренній и вечерній чай составляетъ одно кушанье: кирпичный чай съ сухарями и — сухари съ чаемъ.

•Ночлеги: обсушившись и согревшись горячимъ чаемъ, насидевшись до изнеможенія въ беседе съ хозяевами, миссіонеръ кладетъ свое седло въ головы, стелетъ потникъ изъ-подъ седла и одевается высушенными одеждами. Утомленіе беретъ свое: путникъ засыпаетъ. Онъ не чувствуетъ, какъ кусаютъ его разныя насекомыя, не слышитъ отвратительной вони отъ развешенныхъ конскихъ кожъ, не замечаетъ соседства собакъ, телятъ и ягнятъ, не слышитъ, какъ стучитъ надъ головою дождь, завываетъ ветеръ или стонетъ страшный буранъ.

•Такъ ночуютъ миссіонеры, пока они еще молоды, крепки. Старики-же, съ надломленнымъ, изношеннымъ здоровьемъ, сверхъ вышесказанныхъ неудобствъ, чувствуютъ въ ненастную погоду еще более неприятностей: и голова болитъ, и кости ноютъ, и холодъ, и насекомыя спать не даютъ. И длинна, длинна бываетъ осенняя ночь!

•Ходитъ миссіонеръ изъ юрты въ юрту, или собираетъ алтайцевъ куда-либо въ одно место, чтобы предложить имъ слово спасенія. Если слушаютъ со вниманіемъ, миссіонеръ доволенъ. Большею-же частію слушаютъ плохо, рассеянно, или

прерываютъ речъ проповедника разными неподходящими разсказами, вопросами или шумомъ. Вотъ и скорбь на душе».

Плохой отдыхъ ждетъ миссіонера и дома: «Пріезжаетъ миссіонеръ домой и не смеетъ разсчитывать на отдыхъ: и съ деломъ и съ бездельемъ, постоянно приходятъ къ нему инородцы. Одинъ зоветъ исповедывать больнаго, другой проситъ лекарства, третій жалуется, что у него увезли остожье. Приходятъ мужъ съ женою, оба плачутъ, другъ на друга жалуются. Приходитъ старикъ, весь въ синявицахъ, съ жалобою, что некрещенные родственники, желая выжить его изъ своего улуса, пригнали на его пашню 300 лошадей, весь хлебъ вытоптали, а его самого избили до полу смерти и обещались убить, если онъ не уедетъ отъ нихъ. Является татаринъ, проситъ пособить его брату, въ пьяномъ виде упавшему въ кипящий котель и получившему большіе обжоги. Тотъ проситъ хлеба, другой — корову, третій — денегъ на семена. Тутъ приносятъ детей для крещенія, просятъ о повенчаніи, спрашиваютъ, можно-ли такому-то жениться на такой-то. А тутъ приходится ехать, иногда верстъ за 50, для напутствованія больныхъ. А тутъ, смотришь, за время поездокъ на столе лежатъ бумаги, на которыя нужно отвечать немедленно. Надо писать исповедныя росписи, метрики, вести разные журналы. Надо о школахъ позаботиться. Если есть желающіе креститься, нужно ихъ приготовить къ крещенію, позаботиться и о белье для крещающихся, а затемъ и о водвореніи ихъ после крещенія. Тутъ слышишь, что изъявившіе желаніе креститься колеблются, — надо ихъ поддержать; тамъ — крещенные въ жизни своей начинаютъ являть недобрыя стороны, — нужно ихъ вразумить».

Несмотря на такую тяжелую жизнь, неразрывно связанную съ миссіонерскою деятельностью, жизнь, полную труда и лишений, нравственныхъ мукъ и физическихъ испытаній, покойный миссіонеръ горячо, беззаветно любилъ свой Алтай, всего себя отдавъ разъ избранному делу, съ любовью велъ это дело, ни разу не отступалъ съ того тернистаго пути, по которому шелъ, и успелъ столько принести пользы и дорогому для него Алтаю и науке, что, умирая, съ спокойной совестью могъ сказать: «*feci quod potui*». Память объ о. Вербицкомъ, какъ миссіонере, надо надеяться, никогда не изгладится среди членовъ Алтайской миссіи. Въ глубоко-прочувствованныхъ статьяхъ сослуживцевъ о. Вербицкаго, епископа Владиміра (Синьковскаго) и свящ. В. Постникова, посвященныхъ памяти покойнаго протоіерея, миссіонерская деятельность послѣдняго обрисовывается такою, которая можетъ служить образцомъ для другихъ миссіонеровъ. «Алтайская миссіия въ лице покойнаго протоіерея В. И. Вербицкаго потеряла опытнаго, многополезнаго труженика, отдавшаго

все свои душевныя и телесныя силы Алтаю, а миссіонеры — дорогаго советника, искренняго друга, любимаго и любящаго брата», — пишетъ епископъ Владиміръ. «Стараго миссіонерскаго закала, прежняго воспитанія и образованія, миссіонеры дорогой нашей Алтайской миссіи одинъ за другимъ стали сходить со сцены», — такъ начинается свои воспоминанія объ о. Вербицкомъ свящ. Постниковъ, — «списокъ покойныхъ деятелей нашей миссіи удлинняется: не такъ давно онъ увеличился смертію незабвеннаго о. протоіерея Вербицкаго.» «Такіе люди, какъ покойный, — продолжаетъ авторъ, — редки, и поэтому справедливость требуетъ, когда смерть отнимаетъ ихъ у нас, воздать должное ихъ памяти, принести имъ дань, хоть слабую, но которая свидетельствовала-бы о нашей любви и уваженію къ покойному». Затемъ авторъ такъ характеризуетъ о. Вербицкаго: «О. протоіерей былъ простъ, прямодушенъ и всехъ привлекалъ къ себе своимъ обращеніемъ. Кузнецкіе татары такъ любили, уважали и доверяли покойному, что все зайсанскія печати всехъ черневыхъ Кузнецкихъ зайсановъ хранились у о. протоіерея до самого его выезда изъ Кузнецкаго округа. Пользуясь такимъ расположеніемъ къ себе народа, о. протоіерей больше всехъ миссіонеровъ окрестилъ инородцевъ (более 2 тысячъ)¹).

Къ подчиненнымъ о. протоіерей былъ не начальникомъ, а старшимъ братомъ, а къ меньшей братіи — самымъ нежнымъ отцомъ. Его, какъ начальника, не боялись, а любили и изъ любви къ нему не позволяли себе предосудительныхъ поступковъ, чтобы не огорчить любимаго старца.

У покойнаго не было секретовъ; душа его была для всехъ открыта.

Братій по духу о. Василій любилъ более, чемъ братій по плоти. Это знаютъ все служащіе въ миссіи²).

Жизнь онъ велъ самую простую. Вина не пилъ более двухъ рюмокъ, чай пилъ по одному только стакану, столъ имель простой. Постоянно занятый чтеніемъ или письмомъ, онъ о пище, кажется, менее всего заботился. Я къ нему заехалъ въ іюле месяце въ Чамаль. И что же? — протоіеріей жилъ въ палатке.

— Мы, братъ, здесь кочуемъ, здоровьемъ запасаемся, чемъ богаты, темъ и рады. Давай съ радости чай пить.

¹ По словамъ епископа Владиміра, о. Вербицкомъ, за все время его миссіонерской деятельности, было обращено въ христіанство 2117 азычниковъ.

² Все свои сбереженія покойный оставилъ, по духовному завещанію, исключительно миссіонерамъ, миссіонерскимъ церквамъ, миссіонерскому монастырю и пріюту. На неоднократное предложеніе двухъ миссіонеровъ, попеременно находившихся при больномъ въ послѣдніе дни его жизни, уделить что-либо въ пользу его родныхъ, живущихъ въ Россіи, о. протоіерей отвечалъ: «У меня нетъ родныхъ, роднее васъ миссіонеровъ».

Чай по походному, съ сухарями, ужинъ состоялся изъ одной просяной кашицы.

Человекъ больной долженъ бы усилить питаніе; но о. Василій объ этомъ точно позабылъ.

Я коснулся техъ сторонъ характера о. Василя, которыя были открыты для всехъ, имевшихъ съ нимъ сношеніе, — заканчиваетъ о. Постниковъ, — «но какъ будутъ хранить о немъ память те, которые были почтены его дружбой! Они будутъ помнить, что дружба эта была постоянна и безкорыстна, что она выражалась не словами только, но и самымъ деломъ. Друзья его никогда не забудутъ его радушія, приветливости, беседы, полной одушевленія, разнообразной, богатой меткими наблюденіями, анекдотами, остротами, юморомъ, беседы, показывающей въ немъ пленительную доброту сердца».

Съ честью выполняя свою миссіонерскую деятельность, покойный о. Вербицкій все время, свободное отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей (а его было такъ немного), посвящалъ этнографическимъ изслѣдованіямъ, занятію пчеловодствомъ, ботаникой и метеорологическимъ наблюденіямъ.

О. Вербицкій, мало того, что первый ввелъ въ Алтае (въ Кузнецкомъ округе) пчеловодство, но и поставилъ веденіе его на вполне рациональную почву. Какъ опытнаго и рациональнаго пчеловода, о. Вербицкаго знали не только все пчеловоды въ Сибири, но и весьма многіе въ Европейской Россіи, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя письма пчеловодовъ, просившихъ у него указаній и советовъ. По справедливому замечанію доктора Л-скаго, «Алтай потерялъ въ немъ светочъ рациональнаго пчеловодства, а печатный органъ послѣдняго — дельнаго и свѣдущаго указателя».

Изученію флоры Алтая покойный протоіерей также посвятилъ много летъ своей жизни, ведя постоянную переписку съ известнымъ ботаникомъ Анненковымъ, въ продолженіи многихъ летъ помогавшимъ о. Вербицкому въ изученіи ботаники. О. Вербицкій, въ свою очередь, посылалъ ему все свои ботаническія наблюденія и заметки, и большая часть ихъ вошла въ ботаническій словарь Анненкова.

Но особенно плодотворны и ценны для науки были труды о. Вербицкаго въ области лингвистики и этнографіи. Съ самаго начала своего поступленія въ миссію, о. Вербицкій, прекрасно сознавая, что безъ знанія языка местныхъ инородцовъ немыслимы ни успешная среди нихъ миссіонерская деятельность, ни столь тесно связанная съ нею для каждаго миссіонера деятельность въ области этнографіи, горячо принялся за изученіе алтайскаго языка. Результатомъ этого изученія явилась сначала его «Краткая грамматика алтайскаго языка», а потомъ, по

накопленіи достаточнаго матеріала, собиравшагося непрерывно въ продолженіи 30-ти слишкомъ летъ, онъ даритъ этнографію капитальнымъ лингвистическимъ трудомъ, обнимающимъ около 500 страницъ, подъ заглавіемъ: «Словарь алтайскаго и аладагскаго наречій тюркскаго языка». Насколько цененъ этотъ трудъ, свидѣтельствуемъ, между прочимъ, слѣдующій о немъ отзывъ преосвященнаго начальника миссій, известнаго знатока алтайскаго языка: «Алтайско-аладагскій и русскій словарь составляетъ ценный вкладъ въ отечественную бібліотеку тюркской литературы и — честь Алтайской миссіи. Онъ есть плодъ многолетнихъ трудовъ ветерана миссіонерской службы, не безъизвестнаго для местныхъ печатныхъ органовъ по многимъ этнографическимъ и другимъ статьямъ. После словаря г. Будагова, словарь протоіерея Вербицкаго имеетъ право занять первое место по капитальности труда и добросовѣстности его исполненія.» Рядомъ съ собираніемъ лексикологическаго матеріала у о. Вербицкаго шло и всестороннее изученіе быта алтайскихъ инородцевъ. Въ многочисленныхъ статьяхъ о. Вербицкаго, печатавшихся по разнымъ изданіямъ (въ «Вестнике Императорскаго Русскаго Географ. Общества», «Православномъ Обозреніи», «Душеполезномъ Чтеніи», «Томскихъ Губ. Вед.», «Томск. Епарх. Вед.», «Памятныхъ книжкахъ Томской губ.», «Восточномъ Обозреніи» и въ приложеніи къ нему — «Литератур. Сборникъ») и составившихъ настоящій сборникъ, этнографія впервые обогатилась ценными для нея сведеніями о кочевникахъ Алтая. О важности ихъ для этнографіи можетъ судить каждый по изданному сборнику, въ который не вошли только «Краткая грамматика алтайскаго языка» и «Словарь алтайскаго и аладагскаго наречій тюркскаго языка», какъ вышедшія отдельными книгами.

За свое сотрудничество ученымъ Обществамъ о. Вербицкій былъ избранъ: действительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній, членомъ — сотрудникомъ Западно-Сибирскаго Отдела Императорскаго Русскаго Географ. Общества и действительнымъ членомъ Томскаго статистическаго комитета. Въ послѣдніе годы своей жизни покойный состоялъ помощникомъ начальника миссій Томской епархіи.

Скончался протоіерей В. И. Вербицкій 1890 года 12-го октября, на 63-мъ году отъ рожденія, въ Улалинскомъ станѣ Алтайской духовной миссіи. По объясненію доктора Л-скаго, съ которымъ покойный велъ переписку о своей болѣзни, послѣдняя явилась следствіемъ многолетнихъ, сопряженныхъ съ различными трудностями, опасностями и лишеніями, поездокъ по Алтаю на верховой лошади. Объясненіе это будетъ вполне понятно, если принять во вниманіе, что въ теченіе 38-летней миссіонерской своей службы о. Вербицкій изъездилъ 36,000 верстъ

верхомъ и притомъ, большею частью, по такой сырой местности, какова Кузнецкая чернь.

Труды протоіерея В. И. Вербицкаго:

1) Краткая грамматика алтайскаго языка, подъ редакціей Н. И. Ильминскаго. Казань. 1869 г.

2) Словарь алтайскаго и аладагскаго наречій тюркскаго языка. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1884 г. IV+494 in 8°.

3) Заметки кочевого алтайца. «Вестникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.», 1858 г., кн. XI, стр. 77—109.

4) Записки миссіонера Кузнецкаго отдѣленія Алтайской духовной мисси. «Православное Обозреніе» 1863—1869 гг., «Душеполезное Чтеніе», 1861 г., IX, стр. 75—98, и «Томскія Губ. Вед.», 1875 г., №№ 15, 17, 18, 22, 23, 25, 28—33.

5) Алтайцы. Содержаніе: топографія Алтая и его естественныя произведенія; происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и разделеніе ихъ на племена: 1) алт. калмыки, 2) калмыки-двоеданцы, 3) телеуты и 4) черневые татары; наружный видъ алтайцевъ; одежда и обувь; жилища; пища и питье; языкъ; верованія; преданія: 1) о сотвореніи міра; 2) обширность міроздавнія; 3) о происхожденіи Эрлика и другихъ разумныхъ существъ; 4) ссылка Эрлика, его нападенія на человека; виновность человека и осужденіе (1); 5) міръ Эрлика; брань Мангдышѣре съ нимъ и его силою; низверженіе Эрлика и слугъ его съ неба на землю и съ земли въ преисподнюю (2); 6) о всемірномъ потопе (3); 7) происхожденіе шаманства; разделеніе языковъ и определеніе безграмотства (4); 8) о Тенгере — Тедыгечі — небозаклочителе (5); 9) Тенгере — Тедыгечі въ царствованіе Шаржаалты 2-го; 10) кончина века съ ея признаками (6); историческія, богатырскія и др. преданія: 1) о подданствѣ Россіи телеутовъ (7); 2) о подданствѣ Россіи телеутовъ-скедамовъ; 3) о междоусобной войнѣ Амыр-Санаги съ Чаган-Нараттаномъ; 4) происхожденіе народа «туургуть» и о подданствѣ Россіи алтайскихъ калмыковъ; 5) о Телецкомъ озерѣ (8); 6) Мрасскій порогъ (9); 7) богатыри реки Катунь; 8) богатырь горы Катунь (10); 9) гора Катунь; 10) Мустагъ, Карабуръ и Кізей; 11) Азра-дашь (11); 12) Туралыгъ; китайскій богатырь Садагай (12); 14) Таклах-ажгы; 15) мнѣ о происхожденіи верблюда и осла (13); 16) Алтайская чудь; 17) происхожденіе сѣока мундусовъ и теолессовъ; 18) участь грамотности алтайцевъ (14); нравы, обычаи, обряды и приметы; леченіе болезней; песни: 1) о разореніи Алтая; 2) тюремная песня алтайскаго батыря Канзы (15); 3) бородастый Тень-бегей; 4) плачь о потерѣ мужа; 5) жалобы влюбленнаго; 6) похвала супругѣ; 7) разлука съ супругою; 8) грустныя чувства на чужбинѣ; 9) признательность къ родителямъ; 10) бесполезность имени по смерти; 11) жалобы на одиночество; 12) воспоминаніе товарищества; 13) воспоминаніе о родныхъ и знакомыхъ; 14) ожиданіе роднаго; 15) плачь о потерѣ сына; 16) о дружелюбіи и согласіи; 17) нужда въ песенникѣ; 18) надежда сироты; 19) желанія родителей; 20) разлука съ дочерью; 21) состраданіе къ птицамъ пернатымъ; 22) Орадый и Урей и 7 песенъ безъ названій; пословицы; загадки. «Томскія Губ. Вед.» 1869 г. №№ 30—33, 35, 37—42, 44—47, 49—51, и 1870 г. №№ 1—5, 7—13, 16—19. Преданія, за названіемъ которыхъ стоятъ цифры въ скобкахъ, были напечатаны ранее въ техъ-же «Томскихъ Губ. Вед.», именно: 1—1859 г., № 29; 2—1859 г., № 45; 3—1865 г., № 6 (см. также статью о Вербицкаго: «Какъ мы отыскивали Ноевъ ковчегъ» въ «Восточномъ Обозреніи» 1882 г., № 30); 4—1865 г., №№ 17 и 18; 5—1865 г., № 31; 6—1860 г., № 30; 7—1858 г., № 29; 8—1860 г., № 37;

9—1862 г., № 37; 10—1862 г., № 24; 11—1861 г., № 27; 12—1859 г., № 45; 13—1861 г., № 32; 14—1865 г., № 18; 15—1864 г., № 9.

6) Кочевья инородцевъ Кузнецкаго округа по рр. Томи, Мрасе и Кондоме. «Памятная книжка Томской губ. на 1871 г.», изд. Томскаго статист. комитета.

7) Очеркъ деятельности Алтайской духовной миссии по случаю пятидесятилетия ея юбилею (1830—1880 г.). «Памятная книжка Томской губ. 1885 г.», изд. Томскаго статист. комитета. Томскъ, 1885 г., стр. 142—221.

8) Краткія сведения объ Алтайской дух. миссии, извлеченныя изъ рапорта помощника начальника миссій Томской епархіи, протоіерея Вербицкаго, представленнаго имъ его преосвященству, преосвященнейшему Исаанію при обозрѣніи епархіи (происхожденіе алтайскихъ инородцевъ, разделеніе ихъ и подданство Россіи, ихъ языкъ, верованія, шаманство, жертвоприношенія, нравы, обычаи и обряды). «Томскія Епарх. Вед.», 1886 г., №№ 19—22.

9) Міросозерцаніе и народное творчество сибирскихъ инородческихъ племенъ (этнографич. матеріалы): Алтайскія горы по легендамъ инородцевъ: 1) Абакан, 2) Шанчильк, 3) Кізей, 4) Туралыг, 5) Садагай-гая, 6) Кылан, 7) Мазарак, 8) Кызыл-гая, 9) Улугтаг, 10) Курт-як таш., 11) Катун, 12) Ак-гая, 13) Патно-гаязы, 14) Манак, 15) Ог аттыг таш., 16) Казырган и Кедере-даг; 17) Унзас-кайбажы. «Литературный Сборникъ», изд. редакціи «Восточнаго Обозрѣнія». Спб. 1885 г., стр. 337—351.

10) Сказка у алтайскихъ инородцевъ: происхожденіе богатырей; предсказанія о рожденіи ихъ; опасности, которымъ подвергаются они во чреве матерей своихъ; рожденіе ихъ большею частью отъ престарелыхъ родителей; нареченіе имени; ростъ богатырей и детская сила; богатыр. седло; богатыр. вооруженіе; богатыр. сила, богатыр. езда; богатыр. битвы. «Томскія Губ. Вед.» 1882 г. №№ 33, 44, 45 и 1883 г. №№ 8, 14—16.

11) Памятники наказанной ветренности и ослушанія (преданія алтайцевъ о богатыряхъ, обратившихся потомъ въ горы: Абаганъ, Мустагъ и Азрадэшъ). «Томскія Губ. Вед.», 1861 г., № 27.

12) Алтайскій богатырь Ольгудакъ (преданіе черневыхъ татаръ). «Томскія Губ. Вед.», 1868 г. № 2.

13) Люди, превратившіеся въ зверей и птицъ (изъ естественной исторіи алтайцевъ): медведь, кукушка, иволга, глухарь и карастель. «Том. Г. В.», 1869 г., № 39.

14) Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, собранныя В. В. Радловымъ (Спб., 1866 г.). «Томскія Г. В.», 1874 г., №№ 13, 18, 19, 21 и 22.

15) Мустагъ, Карабуръ, Кізей и Туралыгъ (легенды кузнецкихъ татаръ объ образованіи этихъ горъ). «Томск. Губ. В.», 1865 г., № 1.

16) Тюрунъ — Музыкай; легенды алтайцевъ о происхожденіи разноцветныхъ камней и насекомыхъ. «Томск. Г. В.», 1863 г. № 27.

17) Замечанія на статью объ Алтае: «Татарскія песни», Н. Ананьина, въ «Томск. Губ. В.», 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи міра). «Томск. Губ. В.», 1859 г., № 2 (приведена легенда о сотвореніи мира). Томск. Губ. В.», 1958 г., № 13.

18) Первая пища человека по изгнаніи его изъ «аруунъ-сюдюнъ»; вражда съ животными; происхожденіе огня, супружества и смерти (по сказанію алтайскихъ инородцевъ). «Томскія Губ. В.», 1860 г., № 38.

19) Понятія алтайскихъ инородцевъ душе. «Том. Г. В.», 1860 г., № 5.

20) Названіе месяцевъ у черневыхъ инородцевъ Кузнецкаго окр.: 1) по весеннему равноденствію, 2) по продолжительности дня, 3) по созреваемости хлеба, 4) по метеорологическимъ свойствамъ, и 5) по занятіямъ, свойственнымъ известному месяцу. «Томскія Губ. В.», 1864 г., № 3.

21) Сеоки (кость, родъ, поколеніе) алтайцевъ. «Томск. Г. В.», 1865 г., № 42.

22) Алтайская береза (о почитаніи ея у алтайскихъ калмыковъ и кузнецкихъ татаръ). «Томск. Г. В.», 1859 г., № 5.

23) Питье въ Алтае (вода, чегэнь, кумысь и арака). «Том. Г. В.», 1861 г., № 14.

24) Младенческая корзинка (люлька) у алтайскихъ инородцевъ. «Томск. Г. В.», 1863 г., № 49.

25) «Сагыры» (приготовленіе кожъ на Алтае). «Томск. Г. В.», 1864 г., № 29.

26) Пятьсотъ областныхъ словъ, употребляемыхъ при-алтайскими крестьянами. Томская Губ. Вед., 1858 г., № 30, 1862 г. №№ 7, 16, 48, 49 и 1863 г. № 26.

27) Предразсудки и суеверія при-алтайскихъ крестьянъ: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ домашнемъ хозяйстве и 3) въ леченіи болезней. «Томск. Губ. В.», 1863 г., № 12.

28) Русская парная баня. «Томск. Г. В.», 1862 г. № 40.

АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

Топографія Алтая и его естественныя произведенія.

За несколько сотъ верстъ по дороге отъ г. Томска къ г. Бійску, Алтайскія горы поражаютъ наблюдателя своимъ видомъ. Непривычный глазъ затрудняется отличать ихъ отъ густыхъ, синихъ облаковъ. Но вотъ оне близятся, облачный видъ исчезаетъ; видно, что это цепь высочайшихъ горъ, даже заметны на нихъ и признаки растительной жизни. Теперь всякій скажетъ, что это горы. Но далеко оне? Житель долинь, привыкшій нагляднымъ образомъ определять разстояніе между предметами, мало еще ошибется, если скажетъ, вместо действительныхъ 100 верстъ, 50 кажущихся. Такъ горы обманчиво сокращаютъ разстояніе.

Алтай Томской губерніи граничитъ къ северу верховьями рр. Усы и Томи, къ югу — хребтомъ Хомунскимъ и Китайскими караулами: Чингистай, Урыль, Усун-Табаты, Чиндагатуй, Укукъ, Финдарь, Табаты и Суокъ; къ востоку — озеромъ Джулукуль, и границею Енисейской губерніи; к западу — белками: Коксинскими, Чарышскими, Ануйскими и р. Песчаной.

По всему этому пространству раскинулся величественный Алтай своими хребтами и отросями, отъ севера на югъ приблизительно на 1000 верстъ, а отъ востока къ западу на 700. Южная часть этого пространства, по левую сторону р. Катуня и по правую — отъ устья р. Сюмулты до Телецкаго озера, по преимуществу называется здесь Алтаемъ и отличается высотой каменистыхъ горъ разныхъ формъ и очертаній; тутъ виднеются и огромные зубцы, и стеновидные утесы изъ сплошнаго камня, заостренные въ треугольникъ, и синія скалы аспидоподобныхъ плитъ съ гнездами голубей и убежищемъ змей, и отдельно возвышающіяся круглыя сопки. Но надъ всеми этими горами царятъ Катунскіе столбы (белки), на подобіе сахарныхъ головъ, возвышающіеся и исчезающіе въ синеве небесъ. Звероловы уверяютъ, что съ каждымъ годомъ на этихъ столбахъ нарастаетъ новый слой льда и доказываютъ эту гипотезу глубочайшей трещиной ледяного свойства на одномъ изъ нихъ. Северная часть Алтая отличается топями и болотами

между более отлогихъ горъ, покрытыхъ хвойнымъ лесомъ, и изобилуетъ дикими, непроходимыми тущогами. Эта часть собственно называется чернью.

Алтайскія горы перерезаны реками, речками и ручьями, которые то смиренно омывають подошвы горъ, то съ шумомъ стремятся по самымъ хребтамъ ихъ и пенятся въ водопадахъ. Замечательныя реки: Катунь (госпожа), Бія (бій — господинъ), которыя въ соединеніи составляютъ Обь, Чалушманъ, Башкѳусъ, Абаканъ, Томъ съ детьми своими: сыномъ Мрасомъ и дочерью Кондомою, Чуя. Изъ озеръ более другихъ замечательно Телецкое, которое находится въ северной части Алтая, в длину простирается на 75 верстъ; самая большая ширина его 6 верстъ, а малая — около 400 саж., глубина простирается до 135 саж. Волна его возвышается на $2\frac{1}{2}$ саж.; замерзаетъ въ исходе ноября, но только северная часть, а южная замерзаетъ очень редко (летъ чрезъ 20), вскрывается въ начале марта. Русскіе нашли Телецкое озеро въ 1632 г., подъ предводительствомъ боярскаго сына Петра Собанскаго. — Алтайскія реки быстры, такъ какъ большею частью падаютъ съ горъ, каменисты и обильны рыбою. Здѣсь водятся: осетръ и стѣрлядь (въ Катунѣ), нельма, ускучь, харіузъ, таймѣнь, щука, ѳкунь, налимъ, язь, сорѳга, усачь (въ Чуѣ), ершь, чебакъ и въ большомъ количестве сельдь (въ Телецкомъ озере). Въ ѳзерахъ: карась, линь и много пѣвѳкъ. Быстрѳта здѣшнихъ рекъ препятствуетъ скорому ихъ замерзанію. Самый процессъ замерзанія совершается здѣсь иначе, чемъ въ Россіи. Къ камнямъ, проникнутымъ холодомъ, вода начинаетъ примерзать, отчего образуется на нихъ ледовитая кора. Но этотъ покровъ постоянно отбивается волнами, всплываетъ наверхъ и большими массами несѣтся по теченію, какъ въ Россіи, взломанный весною, лѣдъ и называется здѣсь *шугою*. Накѳнецъ, шуга, сцепляясь более и более, пристаѣтъ къ берегамъ и превращается въ настоящій лѣдъ.

Въ 15 верстахъ отъ верховьевъ р. Катунѣ къ югу замечательны два целительные ключа: горячій и холодный. Оба, на языке алтайцевъ, называются *Аржан* и весьма известны по своей целебной силѣ.

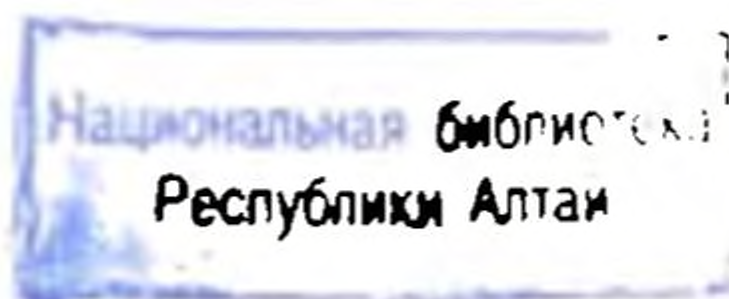
Белки начинаютъ таять въ іюне месяце и делаютъ необыкновенный переворотъ, особенно въ южной части Алтая: тогда не только реки, но ручьи и потоки выходятъ изъ границъ и разливаются на большія пространства. Этотъ летній разливъ рекъ бываетъ часто более весенняго.

Горы Алтая покрыты деревьями: кедромъ (*меш, кузукагаш*) сосною (*карагай*), пихтою (*чѣб*), березою (*кайн*), осиною (*опсак*), черемухѳю (*тимырыт, тѣдра, ю бут, немырт*), рябиною (*пеле*), (*сыйгэ*), липою (въ Кузнецкой черни по р. Мигашу), ольхою

(*ших-агаш*, близъ Телецкаго озера и въ верховьяхъ р. Мрасы), тополемъ (*терек*), елью (*тыгень*), осокорью ветлою, вербою (*тал*), бояркою (*толоно*); кустарниками: калиною (*шанжагаш*), жимолостью (*итъбурду*), малиною (*агаш-тіілек*, *агаш-тістегы*), смородиною черною (*каранат*, *боро-нот*), — красною (*кызылнат*), бузиною (*эмегэнь-сеок*, *зють-г гажі*), волчьимъ лыкомъ (*озлай терезе*), облепихою (*Hipporrhäe rhamnoides* при рекахъ), акаціею (большою и малою *шахнын*), тавалгою, ежевикою (*тингал*) шиповникомъ (*тегэнек*), крушиною (*узют-тімырыды*, *абшак-не-мюрты*), вересомъ (*аржан-элен*), тальникомъ разныхъ видовъ (*сары-тал*, *кара-тал*, *ак-тал*, *куа-тал*, *эчкы-тал*, *кырчін-тал*); сверхъ того въ южной части Алтая: лиственницею (*тыт*), мораломъ или альпійскою розою (*Rhododendron Dahuricum*), которая покрываетъ камни, какъ алымъ сукномъ, и крыжовникомъ. Предгорія Алтая покрыты роскошнымъ ковромъ цветовъ и зелени. Въ северной, Черневой, части Алтая травы отличаются исполинскимъ ростомъ и сочностью, а въ южной части царство растеній представляетъ более разнообразія, целебности и аромата. Весною после *паловъ*, этой превосходнейшей горной иллюминаціи, не заменимой и милліонами площаекъ, очищенная земля недолго носить на себе мрачный характеръ. Развивающаяся зелень более и более разгоняетъ печальный видъ обожженныхъ горъ. Оне буреютъ. Но вотъ зелень съ каждымъ днемъ беретъ перевесъ надъ чернымъ фономъ — разцветаютъ первыя, такъ сказать, подснежныя растенія: ветреница белая (*кой-чечек*), называемая инородцами *кандышною матерью*, потому что вследъ за нею является кандыкъ (*Eruthronium dens canis*, *лес*), далее фіалка желтая (*Viola Altaica*) и синяя, (*collina*) стародубка (*Adonis vernalis*), лютики, троецветки (*Aquilegia glandulosa*), борець (*Delphinium intermedium*), прикрыть разныхъ видовъ (*Aconitum*), Марьино коренье (*Raconia anomala*, *чайна баш*), режуха (*Hasturtium palustre*), всячка (*Macropodium nivale*), клоповникъ (*lepidium ruderale*), пузырьница (*filene inilata*), собачки (*Agrimonia Eupatoria*, *кой туткыш*), просвирнятъ (*Malva et Althaea*), зверобой (*Hypericum perforatum*), синий (*Dracoscephalum nutans*), каменный на подобіе папоротника, сладковатый, вязиль (*medicago*), донникъ (*Melilotus off. et Spigaea Eilipendula*), солодка (*ялч-элен*), мышинный горохъ (*элен пырчак*), лабазникъ или белоголовникъ (*Spigaea ulmavia*, *саз-улоны*), гравилать (*Geum off. et rivale*), завязникъ (*Formentilla erecta*), чилимъ, рогульникъ, водяные орехи (*Tara natans*), кипрей (*Epilobium angustifolium*), баданъ (*Saxifraga*, *калчал*), дягильникъ (*тюкту паятырган*, *эйк паятырган*), омегъ (*conium maculatum et cicuta virosa*), вежъ (*Phellandrium aquaticum*), подмаренникъ (*Galium*), мать и мачеха (*Tussilago farfara*),

девяси́ль (*Inula Helenium et salicina*) ма́лый (*Xanthium strumarium*), по́лынь (въ Черни нетъ), мардовникъ (*сыс комурай*), репейникъ (*Lappa maior, уак, абалатка*), серпуха (*Serratula, Сепірмкэ*), трилистникъ водяной (*Menyanthes trifolita*), пасленъ (*Solanum nigrum*), белена (*Hyoscyamus niger*), дурманъ (*Datura stramonium*), медвежье ухо (*Verbascum thapsus*), тысячелистникъ (*Achilles millefolium*), майникъ (*Majanthemum bifolium*), вяжечка (*Turritis glabra*), гвоздика (*Dianthus*), василисникъ (*Thalictrum*), гулявица чихотная (*Pteris vulgaris*), пулавка (*Anthemis flava*), могучникъ разныхъ видовъ (*Potentilla*), клоповникъ (*Rhinantus Crista Galli*), воробьиное семя (*Lithospermum arvense*), ночная красавица (*Hesperis matronalis et irodora*), глухая кропива (*Lamium album*), горлянка (*Prunella vulg.*), горькая трава (*Sansurea*), Егорьево копье (*Veronica longifolia*), чертополохъ (*Cirsium heterophyllum*), золотушникъ (*Scrophularia podosa*), вербейникъ (*Lysimachia thursiflora*), песчанка (*Arenaria*), колокольчики разныхъ видовъ (*Cumrapula*), козлобородникъ (*Tragopogon pratense*), шкерда (*Crepis*), колосница (*Stachys palustris*), плакунъ (*Lythrum calicaria*), воронецъ (*Paris quadrifolia*), балдырьянъ (*Valeriana*), копытень (*Asarum europaicum*), вшивая трава (*Pedicularis palustris*), богородская трава разныхъ видовъ (*Thymus*), кошечья мята (*Nepeta sibirica*), попутникъ (*Plantago major*), солянка (*Salicornia herbacea*), лебеда (*Atriplex*), змеевикъ (*Polygonum Bistorta*), ревень (*Rheum sibiricum*), молочай разныхъ видовъ (*Euphorbia*), кропива (*Urtica urens et divisa, чалканчагак, ачі чалганак*), конопля, хмель (*камдак, кымынак*), шильникъ водяной (*Alisma plantago*), кукушкины слезы (*кок-машпагы*), касатикъ (*iris*), слизунъ (*Allium putans, пагыр*), горный лукъ (*All. fistulosum et victorialis, огоно*), луговой чеснокъ (*All. lineare et senescens, эрь усхум*), калба (*All. ursinum*), чемерица белая и черная (*Ак-сыргаак*), палошникъ (*Turpha latifolia*), ирь (*acomusca amus*), осока разныхъ видовъ (*курень*), пырей (*Triticum repens*), папоротникъ (*прют аркыш*), кашкора (*Rhododendron chrisanthum*), заячья капуста, сорочьи ягоды (*Polygonotun off.*), баранникъ (*agrica*), чистякъ (*Chelidonium majus*), щавель конскій (*Rumex obtusifolius*), татарское мыло или барская спесь (*Lyshnis chalcedonica, самын-элен*).

Алтай населенъ млекопитающими животными, для которых девственные леса и неприступныя скалы служат надежнымъ пріютомъ. Здесь водятся: рысь (*усь*), волкъ (*тюрю*), лисица (*тюльку*), медведь (*аю, абшак, малдя-алай*), барсукъ (*порсук*), розсомаха (*теэкенъ*), выдра (*камду*), соболь (*кш*), хорекъ (*кузен, тоон-моин*), колонокъ (*сарас, кушхулу*), горноста́й (*агас*), ласочка (*тохтонок*), летучая мышь (*ярганат*), заяць

(койон) — длиннохвостый (туулай), сурокъ (тарбаган), земляная медведка (Spalax Talpinus, номон), хомякъ, крыса сибирская, мышь разныхъ видовъ (чичхан, ялан чичхан, су-чичхан, кызыл-чичхан), белка (тыин, салык), бурундукъ (куорюк), летяга (Pteromys volans, бабырган), кабарга (табырга), лось, сохатый, (пуган), мараль (segvus elaphus, сыгын), олень (ак-іік, самка-муйгак), косуля (элік, самецъ-куран, самка-телькын), каменный козелъ (самецъ-текэ, самка-тюмга), каменный баранъ (самецъ-кочкор, самка-аркар), сайга (теэренъ), кабанъ (какой, тонус).

Птицы: орелъ бородатый (тас, чимгул), — белохвостый (кычугэнь), соколя (карчига, лачин), беркутъ (тарбальдин), ястребъ, коршунъ (теильгенъ), сычъ, сова, филинъ, воронъ (кускун), ворона серая и черная (карга), грачъ, галка (таан), сорока (санысхан), сойка, ронжа (тарал), кедровка (таралджи), иволга (аласару), скворецъ (карабарчик), дроздъ разныхъ видовъ, соловей (торчик, кужляк), пеночка (Silvia acredula), плишка (Motacilla flava), трясогуска (M. boagula), жаворонокъ, синица, снигирь, жуланчикъ (Pugthula vulgaris), воробей, водяной воробей-синій (Alcedo ispada), щеголь, кукушка, жолна, дятель разныхъ видовъ (тонурка, алаш), ласточка (карлагаш), стрижь, голубь, горлица, глухарь, косачъ, рябчикъ, куропатка, перепелка, дрофа, стрепеть, куликъ разныхъ видовъ, журавль (турна), цапля, бекасъ или барашикъ, карастель, гагара, чайка, лебедь (куу), гусь (кас), утка разныхъ видовъ (су-гуш, урьтэк).

Пресмыкающіяся: лягушка (пага), ящерица разныхъ видовъ (кэлескэнь), змея (ділан), медянка (ок-ділан). Змей, особенно на каменистыхъ горахъ, очень много, но оне невелики и мало ядовиты. Ужалы ихъ не смертельны и лечатся здесь, преимущественно, конскимъ потомъ. Въ іюне месяце змеи издають вечерами, по выраженію Палласа, «скрипящіе, нежные и продолжительные звуки». Звуки эти походятъ на скрипленіе сверчковъ, но только громче и непрерывнее. По рассказамъ инородцевъ, существуетъ въ горныхъ пещерахъ огромной величины змей-полоз, но онъ, кажется, скорее существуетъ въ ихъ фантазіи, чемъ въ пещерахъ.

Насекомыя: пчела (ары), паукъ (шоргомьш, коргочак, агыча), кобылка (абачіяк), майка, заменяющая вполне шпанскую муху, жукъ, гусеницы, муха (падат) бабочка разныхъ видовъ (конак), осы (черь-арызы), шоршни (шагыр-ары), оводъ (маас), муравьи (чималы, комысхаш), черви (курт), комары (сезк), мошки (табанак).

Ископаемая: золото, серебро, свинець, медь, железо, магнитный железнякъ, красная и желтая охра, известь, глина белая, каменный уголь, соль, разные камни: кварцы, песчаники, сланцы, окаменелости, мамонтовы кости и проч. Золотые при-

иски и рудники находятся большею частью въ северной части Алтая. Гора лучшихъ жирновыхъ и точильныхъ камней находится на правой стороне р. Кондомы, въ 65 верстахъ отъ ея устья. Разработкою жернововъ занимаются крестьяне деревни Кузедеевой, приобретаая отъ своей горы-кормилицы отъ 1000—2000 руб. сер. ежегодно. Работаютъ артелями (отъ 2—7 человекъ), въ 12 ямахъ, изъ которыхъ каждая можетъ дать на 200 р. сер. въ годъ. Цена на месте семирки (7 четв. въ діаметре и 1 верш. толщины) — 29 р., шестерики — 10., пятерики — 8 р.; точила отъ 1—3 р. Если же деньги забираются впередъ, какъ и бываетъ обыкновенно, тогда делается значительная уступка.

Хорошіе оселки вымываются р. Сынзасомъ, при ея впаденіи въ р. Мрасу, а въ верховьяхъ р. Изима, въ южной части Алтая, можно добывать литографскіе камни. Огромные запасы желтой охры находятся на р. Біи, въ верстахъ 100 выше г. Бійска, а красной — на правомъ берегу р. Мрасы, въ 40 верстахъ отъ ея устья.

Происхожденіе алтайскихъ инородцевъ и разделеніе ихъ на племена.

Въ 1367 г., съ удаленіемъ *Тогоса-Темур* съ китайскаго престола въ свою отчизну — Монголію, *чжунгарскіе монголы* образовали сильный союзъ изъ трехъ поколеній: Шохоть, Торготъ и Чорось, объявивъ главою своего союза Чоросскаго князя Махмуда, какъ старшаго между ними, и появились на политическомъ поприще подъ названіемъ *Ойратовъ*. Могущество этого союза держало въ страхе Китайскую имперію более трехъ съ половиною вековъ. Внукъ Махмуда Эсень привелъ въ исполненіе замыслы отца своего и деда и въ 1449 г. привлекъ къ Великой Стене все силы Монголіи и вступилъ въ пределы Китая. Началось сраженіе, которому мало примеровъ въ исторіи. Съ Китайской стороны не осталось въ живыхъ ни одного министра, ни одного полководца; ратники потонули въ своей крови. Эсень убитъ въ 1453 г., и со смертію его умерло могущество Ойратовъ и кончился блистательнейшій періодъ Чжунгарскаго ойротства, обломки коего теснимые междуусобными войнами другихъ монгольскихъ племенъ, перешли въ начале XVII столетія изъ Тибета на северъ, за Алтайскій и Саянскій хребты, и признали надъ собою власть Россіи.

Потомки Ойратовъ, поселившіеся въ Алтае, называются въ настоящее время: 1) *Алтайскіе калмыки*. Они кочуютъ въ южной части Алтая, въ Бійскомъ округе, при рекахъ: Чарышу, Катуні и речкахъ, впадающихъ въ оныя, и разделяются на *семь дючинъ* (волостей). Число ихъ м. и. — 6047, ж. — 5780,

всего же 11,827, управляются *зайсанами*, которые наследственно передаютъ права свои старшему сыну или ближайшему родственнику. Второе лицо по зайсане — *судъ*. Для решенія спорныхъ делъ собираются суды трехъ зайсановъ, и определешя ихъ считаются неизменными. Третье должностное лицо — *демичи*, на обязанности коего, преимущественно, лежитъ сборъ *ясака* (подать пушниною).

2) *Калмыки-двоеданцы (Урянхай)* кочующе въ южной же части Алтая по рр. Чуе, впадающей въ Катунь, Башкоусу и Чулышману, протекающимъ въ Телецкое озеро, на Курайской и Чуйской долинахъ и по р. Тополевке, впадающей въ р. Аргутъ. Этотъ родъ калмыковъ называется *двоеданцами* оттого, что до 1865 г. они подчинялись двумъ правительствамъ: китайскому и русскому, и платили две подати: въ октябре месяце въ Бійское окружное казначейство они вносили 160 маральихъ и лосиныхъ кожъ, ценою на 200 р., и въ начале февраля свозили подать китайскому правительству. Сборъ этой подати состоялъ изъ соболей, положенныхъ по два на каждого калмыка-двоеданца, а сдача происходила въ китайскомъ городе Буенте, къ востоку отъ Чуйской степи, въ разстоянїи 12 дней верховой езды. Число двоеданцевъ простирается до 2000. Они разделены на две волости, управляются *зайсанами*, которые имеютъ у себя въ распоряженїи помощниковъ *демичи*, *арбанахъ*, *шуленги* и *бошки*. Зайсаны, за исправное отправленіе своей должности, пожалованы отъ китайскаго правительства плисовою шапкою, въ роде шляпы, украшенною на верху прикрепленнымъ малиноваго цвета кругловатымъ камнемъ, съ кистью подъ нимъ изъ краснаго крученаго шолка и четырьмя павлиными большими перьями, вложенными въ серебряную и стеклянную оправу. Это отличіе равняется первому офицерскому чину. Демичи и арбанахи жалуются такими же шапками, но первые — съ однимъ белымъ камнемъ и кистью, а послѣдніе — безъ этихъ прикрасъ. Сверхъ этого зайсанъ первой двоеданской волости носить золотую медаль, жалованную предку его императоромъ Павломъ Петровичемъ. Зайсанъ и демичи, сдавши исправно въ Буенте подать, получали въ награду: первый — 12 коробокъ серебра, а послѣдній — 12 арш канды и въ пользу народа, платившаго подать, по 90 концевъ дабы на каждую волость. Въ настоящее время китайское правительство освободилось отъ этихъ подарковъ, такъ какъ двоеданцы въ 1865 году перестали платить подать тому правительству, котораго землею они не пользуются.

3) *Телеуты*. по распаденїи ойротства, прикочевали въ вершины рекъ Енисея и Иртыша, потомъ прошли внизъ и жили по рр. Кулунде, Талде, Оби, Алею и Чарышу, а перейдя Обь,

пришли къ р. Томи и поселились главнымъ образомъ при рр. Большомъ и Маломъ Бочатахъ, где и доселе живутъ оседло большими улусами, также на правомъ берегу р. Томи, пониже г. Кузнецка, и въ недавнее время переселились въ Бійскій округъ, составивъ инородческія селенія Улалу, Мыюту и проч. Большая часть (изъ нихъ, во время кочеваній, потеряли свою народность и языкъ и разбились на принявшихъ магометанство *Тербет-Ойротовъ*, Семипалатинскихъ *Ташкенцевъ*, Томскихъ *Скедамовъ* и *Сырт-Аймаковъ*, поселившихся на при-волжскихъ степяхъ. Алтайскіе телеуты въ Кузнецкомъ округе состоятъ (изъ трехъ волостей, въ количестве мужск. пола — 1498, женс. — 1493, обоего 2991, управляемыхъ старостами и кандидатами; въ Бійскомъ же округе они вошли въ составъ трехъ инородныхъ управъ — Быстрианской, Кошкинской и Сарасинской, въ числе муж. пола — 1353, жен. — 1438, всего — 2791.

4) *Черневые татары*, получившіе названіе отъ местности, ими занимаемой, покрытой хвойномъ лесомъ и черньющей издали, суть племена сомнительнаго происхожденія. Языкъ и верованія ихъ общи съ алтайскими калмыками. Поэтому можно думать, что они монгольскаго же корня. Но можетъ быть они и финскаго племени, только слились съ народностью монгольской. Черневые татары: а) *кочуютъ* въ северной части Алтая, при озере Телецкомъ, по рр. Біи, Лебеди, Томи, Мрасе, Кондомъ, Мындыбату, Пызасу и речкамъ, въ оныя впадающимъ; б) *осѣдло* живутъ улусами и аулами при устьяхъ рр. Кондомы и Мрасы на протяженіи 100 верстъ, по речке Усвату и по р. Біи.

Въ Кузнецкомъ округе, въ разряде оседлыхъ инородцевъ, состоятъ следующія семь волостей:

	муж.	жен.	обоего.
Ашкыштымская	204	235	449
Баянская	309	118	427
Тогульская	176	196	372
Кумышская	229	209	438
Камларская	125	129	254
Шуйская	355	385	740
Ячинская	296	322	618

Итого 1704 1794 3498

и двадцать две волости кочевыхъ инородцевъ, а именно:

	муж.	жен.	обоего.
Абинская	117	114	231
Тагабская	367	371	738
Ашкыштымская	294	290	584

Керецкая	95	84	179
Едеева	66	77	143
Богоракова	324	275	599
Казанова	437	408	845
Кондомско-Барсоятская	351	390	741
• Бежбоякова	383	350	733
• Елейская	267	254	521
• Карачерская	378	311	689
• Итиберская	469	462	931
• Шелкальская	300	214	514
Итиберско-Шерогашева	167	147	314
Мраско-Бежбоякова	348	338	686
• Елейская	293	261	554
• Изушерская	319	266	585
Ближне-Каргинская	36	29	65
Дальне-Киргинская	243	256	499
Кызыльская	104	79	183
Кійская	96	80	176
Кивійская	129	69	198
Итого	5583	5125	10708

Въ Бійскомъ округе кочевые Черневые татары состоятъ въ семи волостяхъ:

	муж.	жен.	обоего.
Нижне-Кумандинская	831	740	1571
Верхне-Кумандинская	322	284	606
Кузенская	275	232	507
Южская	251	232	483
Комляжская или Кондожская	756	705	1461
Кергежская	378	383	761
Тогульская	121	116	237
Итого	2934	2692	5626¹

Алтайскіе инородцы, кроме официальнаго разделения по дючинамъ и волостямъ, разделяютъ себя еще на множество родовъ, или поколеній (сеок кость). Происхожденіе сеоковъ различно. Одни имеютъ родоначальниками людей, другіе происходятъ отъ горъ, напр. Чабатъ отъ горы Себіре на левой стороне

¹ Всехъ инородцевъ Бійскаго и Кузнецкаго округовъ:

Оседлыхъ	4833.	528.	9861	(отношеніе одного пола къ другому не естественно), исключая
Кочевыхъ	14.578	8401.	22979	двоеданцевъ и Бухтарминскій волости.
Итого	19,411	13429.	32840;	

р. Би, иные — отъ пней древесныхъ, напр. *Тастар* (плешивые) и проч. Секи Ойротовъ, сохраняющіеся свято въ памяти народа, разбросаны на большія пространства: одинъ и тотъ же сеок можно встретить и на берегахъ Волги, и въ Сибири, и у Великой Стены.

Наружный видъ алтайцевъ.

Господствующій типъ алтайскихъ инородцев: средній ростъ, сухопарость, лице плоское, лобъ низкій, скулы выдались, волосы и брови, какъ смоль, черные, жесткіе, какъ конская грива, глаза унырнули подъ лобъ, носъ безъ переносицы, и потому разстояніе между глазами кажется довольно пространнѣмъ; у мужчинъ или естественное отсутствіе бороды или оголеніе подбородка посредствомъ выдергиванія редкихъ волосъ; голова гладко выстрижена до темени, на которомъ у южныхъ алтайцевъ оставленъ пукъ длинныхъ волосъ и заплетенъ въ косу; алтайцы северные, равно какъ и новокрещенные изъ южныхъ, стригутся какъ мещане. Женщины заплетаютъ две косы, которыя, будучи соединены въ концахъ, висятъ ниже пояса. Девицы заплетаютъ три, пять и семь косъ (непременно *нечетъ*). Ноги алтайцевъ, большею частію, — кривые отъ ихъ привычки постоянно ездить верхомъ и при томъ въ короткихъ стременахъ и отъ поджатаго сиденія на полу. Походка съ переваломъ изъ стороны въ сторону, съ широкимъ шагомъ отъ привычки ходить на лыжахъ. Тело кочевыхъ инородцевъ засаленное, прокопченное, закорузлое и никогда не мытое.

Одежда и обувь.

1. Въ южномъ Алтае летняя одежда мужчинъ состоитъ изъ рубахи, большею частію дабинной, китайчатой или изъ дешеваго ситца, съ широкими рукавами и косымъ воротомъ съ оловянной пуговицей, которая, впрочемъ, пришита для украшенія, потому что никогда не застегивается, или для тяготенія ворота къ низу, и короткихъ, едва покрывающихъ колена штановъ изъ толстаго холста съ прочнымъ шнуромъ около тали, одинъ конецъ котораго едва не достаетъ до земли. Этотъ шнуръ, чемъ виднее изъ-подъ короткой рубашки, темъ красивее. Въ жаркіе дни рубашка снимается. Сверхъ рубашки при случае надевается халатъ, нанковый или дабинный съ широкими въ плечахъ рукавами, съ каймой на правой поле и подоле, въ 2 вершка ширины, разнаго цвета съ главною матеріею, съ синей и красной нашивками на рукавахъ, которыя идутъ полосами, начиная отъ локтя. Кроме халата, употребляется еще *кожанъ*

изъ дымленной кожи лошадиной или дикихъ козъ. Зимняя одежда состоитъ изъ кафтановъ, сшитыхъ изъ мягкой прочной, шубъ бараньихъ, непременно белой шерсти, простыхъ и крытыхъ плисомъ, нанкой или дабой, непременно съ каймой, какъ у халата. На бараньей шубе кайма полагается, большею частію, изъ конской кожи, шерстью вверхъ, преимущественно рыжаго цвета. Рукава у шубъ еще просторнее въ плечахъ, чемъ у халатовъ, такъ что спина занимаетъ въ ширину не более 4 вершк., а остальная задняя часть занята рукавами, которые торчатъ взадъ и наводятъ подозрѣніе на хозяина шубы: не связаны-ли у него руки въ локтяхъ? Ноги обуты летомъ и зимою въ кожаные, легкіе, остроносые сапоги (*черки*) безъ каблуковъ, съ широчайшими голенищами, которыя на долю передовъ оставляютъ всего вершка два или менее, съ чулками изъ кочмы. За правую голенищу закладывается кожаный кисеть однообразной формы, только у женщинъ можно встретить другую форму кисета, привешаннаго къ опояске. У людей недостаточныхъ делается изъ кожи только нижняя часть обуви, а голенищи — изъ толстаго холста. Зимою надеваютъ еще на себя *дохи* или *яги* (изъ дикихъ козъ, шерстью вверхъ, а на ноги — *кисы* (сапоги изъ кожи этихъ же животныхъ, снятой с ногъ), которыя носятся шерстью вверхъ-же. Вместо чулокъ наворачиваютъ на ноги или мягкую пушистую траву, на подобіе осоки, которая называется *загадомъ*, или мелкую траву, называемую *ойонгош*. Эти травы теплее чулокъ, и ноги въ нихъ не потеютъ. Сверхъ одежды инородцы подпоясываются ремнемъ, на которомъ на отдельныхъ ремешкахъ виситъ ножъ въ деревянныхъ или костяныхъ ножнахъ и огниво въ кожаной оправе съ сумочкою для кремня и трута. Безъ этихъ принадлежностей алтаецъ никогда не бываетъ. Шапка зимою и летомъ пирогаобразной, суженной къ заду формы, съ околышемъ изъ черной мерлушки, соболя или лисицы и втульею желтою, зеленою или красною, съ разноцветнымъ кружкомъ на середине и двумя назади лентами, которыми завязывается околышъ. Изъ-подъ шапки виситъ коса или свободно или привязываютъ къ ея концу большую медную пуговицу или другое что-либо блестящее; такъ, напр., мне случилось видеть у одного при-Телецкаго зайсана на конце косы большую хрустальную пробку отъ графина, которая какъ звезда блистала и гранями своими отражала солнечные лучи. Женщины одеваются такъ-же, какъ и мужчины: въ штанахъ, сапогахъ и шапке; но есть и различіе. Вместо рубахи летомъ надеваютъ оне *чэгэдэк* изъ дабы, китайки или нанки, преимущественно синяго цвета. Покрой *чэгэдэка* походить на фракъ съ длинной таліей; кроме рукавов у него есть и другія отверстія для рукъ, а рукава болтаются только за урядъ. *Чэгэдэк* кругомъ обложенъ

лентой яркаго цвета, застегивается подъ шеей двумя красными стеклянными пуговицами, величиною съ большую горошину. Зимою чэгэдэкъ надевается сверхъ шубы. И такъ фракъ есть ничто иное, какъ чэгэдэкъ алтайскихъ дамъ!.. Если косы служатъ украшеніемъ вообще женской головы, то алтаянокъ въ особенности.— По всей косе пасажены медныя солдатскія пуговицы. Концы косъ непременно должны быть ниже пояса, и если этому не дозволяетъ природа, то помогаютъ искусствомъ, прививая к косамъ шнурки изъ конской гривы или изъ шерсти. Косы соединены между собою несколькими нанизями изъ пуговицъ, корольковъ, раковинокъ (змеинныя головки), лежащими на-зади полукругомъ и у франтихъ покрывающими всю заднюю часть какъ-бы панцыремъ, который при малейшемъ движеніи шумитъ и гремитъ. На конце косъ встречаются также и ключи. Серьги употребляются большею частію медныя или оловячныя съ белымъ птичьимъ пушкомъ; къ нимъ приделаны на шнуркахъ подвязи изъ пуговицъ, соединенныя съ косами. Околышъ на шапкахъ щеголихъ можно встретить изъ шеекъ дикихъ селезней, что очень красиво. Вместо шапокъ близъ Телецкаго озера изредка встречается родъ кокошника съ широко-разведенными концами.

2. У алтайцевъ северныхъ мужская рубаха гораздо длиннее, едва не сходится съ оконечностями штановъ, отчего они представляются длинноспинными. На халаты употребляется большею частію или толстый холстъ, или рядной, въ роде ревендука, приготовляемый самими инородцами. Шубы обыкновеннаго покроя. Войлочныя кафтаны покрываются холстомъ и стежатся. Въ верховьяхъ р. Мрасы мужчины и женщины на верхней одежде и рубахахъ имеютъ на плечахъ, въ 1 вершокъ шириною, нашивки синяго или зеленаго цвета. Воротники у халатовъ вышиты красною, желтою и синею шерстями. Пирогообразныя шапки здесь не въ употребленіи; головы накрываются обыкновенно военными картузами, шапками круглыми съ остроконечной втульей и высокимъ околышемъ; летомъ — шапочки изъ холста, дабы или нанки, в роде усеченнаго колпака съ кружкомъ на-верху. Праздничный нарядъ состоитъ изъ пальто или суконнаго сюртука съ пуговицами, которыя были-бы повиднее, напр., изъ белаго железа величиною въ серебряный рубль. Особенно эти пуговицы идутъ къ пальто алаго сатина съ черными суконными обложками рукавовъ и кармановъ. Сапоги съ красными отворотами, завязанные пониже колена шерстяными шнурками съ кисточками. У женщинъ и девицъ воротъ рубахи стоящій, шириною около 1 вершка, изъ чернаго плиса, съ нашитыми белыми пуговками и раковинками. Женщины севернаго Алтая чегэдэковъ и ша-

покъ не носятъ, повязываются платками, завязывая концы на затылке. Въ торжественные дни надеваютъ на себя кафтаны, преимущественно плисовые, у которыхъ воротъ и правая пола обложены позументомъ. Въ девичьихъ косахъ, кроме пуговицъ, встречается стеклярусъ, бисеръ и маленькіе, съ наперстокъ величины, колокольчики, возвещающіе издали шествіе этихъ детей природы. Все кочевые инородцы, разъ надевши новую рубаху, никогда ее не моютъ и не снимаютъ до техъ поръ, пока она изорвется въ ленты.

Оседлые инородцы Бійскаго и Кузнецкаго округов, исключая женщинъ послѣдняго, приняли костюмъ русскій. Телеутки Кузнецкаго округа отличаются синими и преимущественно красными шерстяными чулками, а зимою — высокими, краснаго сукна, острыми шапками.

Кочевья инородки, вместо траура, носятъ вывороченныя шубы на изнанку отъ 1—7 дней.

Жилища.

1. Южные кочевые Алтайцы живутъ въ шалашахъ, называемыхъ юртами (*юрап* живу, *юрта* жилье). Оне имеютъ две формы: а) коническую, которая делается изъ жердей, соединенныхъ кольцами, свитыми изъ прутьевъ и обложенныхъ корою сосны, лиственницы или бересты или обтянутыхъ войлокомъ; войлочная юрта этой формы называется *соолты*, или *аланчик*; б) второй формы юрта, войлочная же, съ решетчатыми складными стенками, называется *керегэ*. Решетка сделана изъ прекрещенныхъ палочекъ, связанныхъ въ точкахъ прикосновенія ремешками. *Керегэ* имеетъ видъ хлебнаго скирда. Бывали здесь прежде еще юрты, подобныя киргизскимъ кибиткамъ, которыя назывались *упкэ* или *пюкмэ*, но теперь ихъ нетъ. Войлочная юрта красивее и лучше сохраняетъ отъ воздушныхъ переменъ, чемъ крытая древесною корою. Южный алтаецъ любить просторъ, ему тесно въ большомъ обществе, и потому айлы ихъ обыкновенно состоятъ не более какъ отъ 3—5 юртъ, принадлежащихъ родственникамъ: отцу с сыновьями и ихъ семействамъ. Дверь в юрту бываетъ или деревянная, или отверстіе, чрезъ которое лазятъ въ закопченное жилище, завешана звериной кожей или кочмой. Среди юрты — неугасимый огонь и зимой и летомъ, и днемъ и ночью. Дымъ поднимается вверхъ и уходитъ въ оставленное въ центре юрты отверстіе, не забывая, впрочем, и сторонъ. Оттого внутренность юрты, вещи въ ней и лица закопчены и чумазы. Если случается ночевать въ юрте, то вліяніе дыма сначала не заметно, но когда закроешь глаза, тогда-то они доложатъ, что ночлегъ для нихъ не благо-

пріятень, ихъ что-то есть. По проведеніи же целой ночи въ юрте, на свежемъ воздухе долго нельзя открыть глаза отъ рези. Конечно, это отъ непривычки, но и у привычныхъ къ дыму алтайцевъ весьма много *больныхъ глазами*. Позади огня на стене, противоположной двери, наставлены идольцы около 4 вершк. длины, тоненькіе, съ большой башкой, съ пуговицами вместо глазъ. Въ рядъ съ ними веревка съ 9-ю тряпочками (*само*), изъ коихъ средняя имеетъ видъ животнаго. Точно такіе лоскутки бывають и снаружи у некоторыхъ юртъ на веревочке, привязанной концами къ двумъ березкамъ. Въ частности юрты, разумеется, разнятся одна отъ другой.

Мы припомнимъ, что видали, хотя бы и въ разныхъ юртахъ. Недалеко отъ *само* виситъ медный колокольчикъ, въ ушке коего воткнуты три пестрыхъ пера какой-то птицы. Тутъ-же затыкають за кольцо, огибающее юрту, телячью брюшину для того, чтобы скотъ водился и несколько остововъ тетеревовъ, чтобы птицы попадались на глаза, и закопченныя шкурки небольшихъ зверковъ. По другимъ стенамъ навешены ружья, непременно съ деревянными сошками, конскія кишки съ масломъ, капканы, нагайки и т. под. На земле, подъ *само*, поставлены вьючныя кожаныя сумы; число ихъ определяетъ состояніе хозяина юрты. У богатаго алтайца сумъ до 40 съ различнымъ именіемъ. Оне покрыты коврами и служатъ постелью почетнымъ членамъ юрты. Сумы эти все составляютъ для калмыка — и сани и телегу. Скочевать-ли онъ вздумаетъ, сумы перекинулъ на лошадь — и пошелъ; за орехами ли в черіъ — опять сумы необходимы. По сторонамъ сумъ, близъ самыхъ стенъ, блеють ягнята и козлята, привязанные на *чумбурп* (веревка, свитая изъ конскаго волоса). Подалеке отъ стенъ, ближе къ огню, помещаются вещи, принадлежащія кухне и конюшне: большой коробъ изъ бересты съ ячменемъ, накрытый полукругомъ, сделаннымъ изъ большаго цельнаго дерева, съ тончайшими стенками и дномъ. Надъ этой посудиною просевается талканъ. На полукруге лежитъ и решето, сделанное изъ сыромятной кожи и отличающееся отъ шаманскаго бубна только темъ, что исколото шиломъ. Рядомъ съ коробомъ возвышается, какъ каланча, огромный берестяной буракъ съ ячменемъ; далее: седла, потники, узды, мешки изъ цельной кожи барсука и другихъ зверей и домашнихъ животныхъ, таганы, котлы о трехъ чугунныхъ ножкахъ, чашки изъ корня березы, почернелыя отъ времени и дыма, ложки плоскія, звериныя шкуры, *басмак* (рубчатый камень для растиранія ячменя), разныя замысловатыя вещички, напр., коробочка на ножкахъ изъ засушеннаго коровьяго вымени и т. под. Вокругъ самаго огня, на корточкахъ, помещаются полунагіе хозяева юрты съ совершенно уже нагими, роющимися въ теплой золе,

детьми и посторонние, если есть, съ трубками въ зубахъ. Калмыки все, безъ исключенія пола и возраста, курятъ. Трубочки у нихъ большею частію железныя подъ одно съ чубукомъ, около 5 вершк. длины, или деревянныя, умещающіяся въ ихъ кисетахъ. Для подспорья табаку и для ослабленія крепости, прибавляютъ къ нему порошка сухой березовой коры. У огня-же разлеглась и собака, смиренно грея свои исхудалые ребра. За нею виситъ коробочка — люлька, устроенная какъ разъ по наставленію немецкаго педагога Зальцмана (см. журн. «Воспитание», 1863 г., № 1, стр. 70). Это небольшой, продолговатый ящикъ изъ бересты, или луба съ двумя ножками на одномъ конце. Если надобно позабавить ребенка, — конецъ съ ножками просовывается въ веревочную, или ременную петлю, находящуюся на такомъ разстояніи отъ пола, чтобы ножки корзинки не достигали до полу на 2 вершка, а другой конецъ лежитъ всегда на земле. Корзина эта имеетъ следующія достоинства: въ ней можно только двигать дитя, безъ одуряющаго сотрясенія тела; резвый ребенокъ, если и выползетъ изъ нея, — не ушибается; она удобоподвижна, занимаетъ мало места; ребенокъ редко разстается съ этимъ своимъ жилищемъ, принимаетъ въ немъ пищу и даже следуетъ въ немъ вне юрты вместе съ матерью; покатость корзинки способствуетъ опрятности, и, главное, корзина эта всегда даетъ правильное положеніе телу ребенка, что не всегда достигается подушкою въ обыкновенной люльке.

2. Юрты северныхъ алтайцевъ составляютъ уже переходъ къ избамъ и по внешнему виду, и по внутреннему устройству. Летнія юрты или делаются изъ стоекъ, обтянутыхъ берестой, или срублены изъ тонкаго леса въ четыре стены; какъ те, такъ и другія, покрыты на два ската берестой. У зимнихъ юртъ бревна положены на мохъ. Много юртъ пятистенныхъ съ двумя дверями (одна противъ другой на разстояніи 2 арш.), между которыми находится *предъюртіе* для поклажи хозяйственныхъ принадлежностей. Входъ въ юрту закрытъ тесовою дверью, которая вращается на ремешкахъ. На одной стороне съ дверью, по левую сторону (ея, сбитый изъ глины очагъ, который, протянувшись чрезъ все бревна, вышелъ сверхъ крыши. Иногда въ этомъ глиняномъ столбе делается полукруглая пещера, вроде печи, для жаренія кандыка или печенія пресныхъ лепешекъ. По бокамъ пещеры просверлены дыры для вложенія палокъ, на которыя вешаютъ чайники и котелки. Въ большей части юртъ къ очагу примыкаетъ вверху, сплетенный изъ прутьевъ, полукруглый колпакъ (чувалъ), обмазанный глиною.

Дрова приставляются къ очагу какъ въ камине, дымъ собирается подъ чуваломъ и почти весь улетаетъ изъ юрты.

Передъ чуваломъ, вверху крыши, продолговатое отверстіе для света; зимою оно накрывается льдиной. По передней стене и двумъ боковымъ сделаны широкія, около аршина, возвышенія, отъ полу не более 5 вершк., покрытыя берестою, каждое лето обновляемою. На этихъ возвышеніяхъ удобно сидеть, лежать и спать. Передняя стена противу очага назначена для гостей. Левая стена отъ входа за очагомъ есть место неприкосновенное ни для кого, кроме хозяйской семьи въ самомъ тесномъ смысле; здесь никто и никогда не можетъ сестъ, кроме хозяина юрты, его жены и детей. Если въ семье есть братья, сестры хозяина или старуха мать, то они занимаютъ правую стену отъ входа, въ переднемъ углу которой помещаются ручные жернова, къ боку верхняго изъ нихъ приделана палка для удобнаго верченія. Въ большихъ семействахъ жернова эти находятся почти въ постоянномъ дневномъ круговращеніи. Полъ юрты большею частью настланъ досками съ оставленіемъ землянаго полукруга около очага. Значитъ, юрта севернаго алтайца отличается отъ простой бедной избы только темъ, что въ ней нетъ потолка и настоящей печи. Впрочемъ, достаточные люди строятъ настоящія избы и амбары, но только не бросаютъ и юртъ: въ рядъ съ избою всегда стоитъ и юрта, потому что въ избахъ ихъ донимаютъ клопы и блохи, а въ берестяныхъ и бревенчатыхъ, но безъ моху, юртахъ, этого добра нетъ. Русскимъ людямъ, особенно миссіонерамъ, инородцы всегда предлагаютъ избы для ночлега. Но на это предложеніе никогда не следуетъ поддаваться. Не даромъ же всегда сами инородцы живутъ въ юртахъ, имея дома для вида только и поклажи кое-какихъ вещей. Изба только тогда будетъ иметь преимущество предъ юртою, когда въ ней будутъ соблюдаться чистота и опрятность, а этого-то и нетъ. Северные алтайцы более склонны къ общественной жизни, чемъ южные. Они живутъ *аилами* отъ 7—20 юртъ. Названіе аиловъ большею частію отъ старшаго члена въ роде; напр.: аиль Санабая, аиль Пайдоры, аиль Сарки. Если-же несколько разныхъ родовъ живутъ въ одномъ месте, такое селеніе называется ужь не аиломъ, а *улусомъ*. Улусы большею частію носятъ названіе речекъ, при которыхъ они расположены, или зависятъ отъ некоторыхъ особенныхъ признаковъ, которыми отличается местность, напр.: улусъ *Осиновскій*, *Сосновая Гора*, *Красный Яръ* и т. под. Громкій лай собакъ встречается проезжаго во всехъ местностяхъ, где-бы ни жили инородцы. Но этотъ лай продолжается до техъ пор, пока гость не слезъ съ коня, потому-ли, что оне обнюхаютъ пріезжаго и темъ знакомятся, или потому, что обыкновенно при подъезде къ юртамъ, оттуда выскакиваютъ любопытные хозяева разныхъ половъ и возрастовъ съ вопросомъ: кэм? (кто?) и если гость чиновный или

почетный, т. е. заседатель или миссіонеръ (более кто-же и ездить?), то хозяинъ юрты помогаетъ ему слезать съ коня, по крайней мере хотя для вида, поддерживавъ подъ руку, и отводитъ коня къ столбу съ оставленными на верху несколькими сучьями. Впрочемъ, эта вежливость соблюдается более у южныхъ алтайцевъ.

Пища и питье.

Алтайскіе инородцы сколько невоздержаны въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, столько, напротивъ, умеренны въ употребленіи пищи. Большая часть изъ нихъ по утру и днемъ ничего не едятъ, кроме поджареннаго ячменя — въ двухъ видахъ: крупу — *курмач* и муку — *талкан*. Каждый членъ семьи, большой и малый, самъ себе намалываетъ на ручныхъ жерновахъ талкана во всякое время, когда ему захочется есть, и всегда въ количестве, которое-бы поместилось безъ остатка въ его маленькую чашечку. Талканъ употребляется большею частью въ сухомъ виде, а иногда въ смѣшеніи съ водою, у южныхъ алтайцевъ — съ молокомъ, у северныхъ — съ медомъ. Вечеромъ инородцы употребляютъ более питательную пищу: *кочо* — кашицу изъ цельныхъ ячменныхъ зеренъ, варенную въ воде или молоке, и *тутмаш* — катушки изъ преснаго пшеничнаго теста, варенныя съ рыбой, кониной или въ молоке. Весною употребляютъ въ пищу корни лилейныхъ растеній: *сараны* (*Lilium Martagon*) и *кандыка* (*Erythronium Dens Canis*). Испеченный въ золе кандыкъ имеетъ сходство съ картофелемъ. Надобно заметить, что южная часть Алтая питается более мясомъ, а северная — рыбой. Вареная пища разливается изъ общаго котла всякому въ свою чашку, и каждый садится съ своею частью, где найдетъ для себя удобнее, по всей юрте. Мясо разныхъ животныхъ и зверей, а также и рыбу жарятъ на палочкахъ, приставленныхъ къ огню. Люди бедные въ летнее время питаются одними только кореньями и травами: кандыкомъ, сараной, корнемъ *Racomia apomala*, борщевикомъ (*Heloscielm*), травой *кэжуне* (въ роде дигиля) и калбою (*Allium ursinum*). Всякая пища употребляется безъ хлеба; оттого инородцы слабосильны и къ земледельческимъ трудамъ мало способны, а дети ихъ отъ употребленія одной жидкой пищи обыкновенно обладаютъ отвислымъ брюхомъ.

Оседлые инородцы употребляютъ такую-же пищу, какъ и русскіе крестьяне. Но и у нихъ есть національныя блюда: *терьгом*, приготовляемое такъ: изъ сырыхъ овечьяго сердца, печени, легкаго, говядины и сала режутъ длинныя ленточки

и начиняютъ ими овечьи кишки, которыя варятъ въ воде или жарятъ, и *кыйма* — кишки, начиненныя потрохами разныхъ животныхъ съ прибавленіемъ луку и крупы.

Въ питье употребляется инородцами, безъ сомненія, более всего чистая вода, въ летнее время изъ речекъ и ключей, которыми такъ изобилуютъ Алтайскія горы. Зимой многіе инородцы переносятъ свои юрты на вершины горъ, сохраняющихъ подножный кормъ для ихъ скота, и потому, затрудняясь съ такой высоты «унижаться» до речекъ, пьютъ въ это время снежную воду. Но это питье, безъ привычки къ нему, лишаетъ на некоторое время голоса. После воды употребляется въ питье, однако-же въ виде роскоши, а не насущной потребности, кирпичный чай, который достается южными алтайцами отъ монголовъ съ Чуйской меновой ярмарки¹ и пьютъ вместе съ талканомъ изъ маленькихъ деревянныхъ чашечекъ, покрытыхъ прочнымъ лакомъ. Чашечки эти привозятся съ Чуи-же. Вместо чаю пьютъ еще прошлогодніе листья бадана (*Saxifraga cressifolia*, *калбыш*, *калчар*), цвѣтъ белоголовника (*Spigaea Ulmagia*), березовую черную камедь (*мешкэ*) и буроватый отваръ молодыхъ прутьевъ шиповника. Самое любимое питье алтайца, безъ сомненія, *чегэнъ* и *кумысъ*. Первый напитокъ изъ коровьяго молока, а второй изъ молока кобылицъ. Оба эти напитки приготавливаются въ кожаномъ мешке, называемомъ *аркыт*, где налитое молоко, въ теченіе несколькихъ дней, часто взбалтывается деревянною колотушкою съ отверстіями на нижнемъ конце и приходитъ въ броженіе. Для закваски въ новый *аркыт* полагается копченая жила какого-либо животнаго, чаще лошади, а старый обдержанный *аркыт* уже самъ себе служить закваской. Изъ кумыса приготавливается и более живительный напитокъ — *аракы* следующимъ образомъ: котель съ кумысомъ ставится на огонь, плотно закрывается двумя половинками круглой, выпуклой деревянной крышки, которой края со всехъ сторонъ замазаны глиною съ примесью для крепости конскаго помета. На одной изъ половинокъ — два отверстія, въ которыя влагаются две деревянные дугообразныя трубы. Одинъ конецъ каждой трубы хорошо вмазывается въ отверстія, а другой пропускается въ чугунный кувшинъ, закрытый кружкомъ изъ

¹ Торговья сношенія на Чуе происходятъ не столько между алтайцами и монголами, сколько между последними и русскими. Русскіе, узнавъ нужды монгольцевъ, стоящихъ на пикетахъ, рассчитавъ и свои выгоды, издавна начали мало-по-малу въезжать чрезъ Алтайскія горы на р. Чую, пригоняя лошадей и привозя съ собою рваные товары, какъ-то: кожи разныхъ цветовъ, толстыя сукна, железо, котлы, чайники, таганы, стремяна, ножницы, замки, шилья, пуговицы, моральи рога и проч. и все это разменивая на серебро (въ коробкахъ), канфы, канчи, шелкъ, китайки, дабы, чай, табакъ и проч. Въ оборотъ съ обѣихъ сторонъ сумма простирается до 150,000 руб. серебр.

войлока и стоящій въ корыте съ холодной водой. Пары кумыса, проходя сквозь трубы въ кувшинъ и здесь охлаждаясь, претворяются въ вино — *аракы*. Изъ выжимокъ испарившагося кумыса готовится сыръ.

Впрочемъ, *чегэнъ* и *кумысъ* достались на долю только южнымъ алтайцамъ — скотоводамъ, а северные алтайцы довольствуются *абырткою* — бражкой изъ вареннаго и квашеннаго кандыка и *аракою* изъ ячменной муки.

Занятія.

Общее занятіе всехъ кочевыхъ инородцевъ есть зверопродомышленность, добываніе кедровыхъ ореховъ и земледеліе, находящееся въ первобытномъ состояніи. Распространимся несколько о ходе зверопродомышленности. Между инородцами, какъ и вездѣ, есть богатые и бедные. Последніе одолжены первымъ и находятся у нихъ въ качестве приказчиковъ. Все, что добудетъ бедный инородецъ, сбываетъ своему богатому собрату, весьма за умеренную цену, а этотъ уже доставляетъ своему *танышу* — пріятелю (изъ купцовъ также съ небольшою пользою). Обороты эти происходятъ следующимъ образомъ: осенью *таныши* являються къ своимъ купцамъ съ боченкомъ вина и после благопожеланій съ обеихъ сторонъ, распиваютъ его, безъ чего никакихъ операцій торговыхъ здѣсь не бываетъ и быть не можетъ. По угощеніи, купецъ ведетъ *танышей* своихъ съ ихъ женами и детьми въ свою лавку. *Таныши* набираютъ товаръ, какой *поглянется*, каждый отъ 100—300 руб. серебр., укладываютъ во вьюки, заходятъ опять въ домъ къ купцу, справляются съ боченкомъ, и на прощаніи кроме товара еще получаютъ денегъ рублей по 50 и более, смотря по состоянію, для собственныхъ оборотовъ. Чемъ проще купецъ держитъ себя въ обращеніи съ инородцами, темъ более у него *танышей*, а чемъ более последнихъ, темъ успешнее идетъ его торговля. *Таныши*, возвратясь въ свои кочевья съ деньгами и товарами, раздають и то и другое своимъ приказчикамъ въ долгъ же. Между темъ время идетъ, вотъ высыпаетъ и снегъ, шубка на каждомъ звере делается пушистее и ценится дороже. Зверопродомышленники — должники (а они все въ долгу и постоянно) берутъ винтовки, ловушки, запасъ — талканъ, а мяса у нихъ будетъ много *блличьяго* и друг., котелки и проч. и кладутъ все это на *нарты*, т.-е. длинныя, гибкія сани, которыя тащатся лямкою. *Нарта* шириною и высотой около 1 арш., длиною более сажени. Полозья (ея тонкіе, на подобіе лыжъ; дно изъ двухъ тонкихъ досокъ; бока зарешечиваются ремнями. Экипажъ этотъ имеетъ то неопе-

енное для зверолова достоинство, что въ снегу не тонетъ. Тришедши въ знакомое свое урочище, зверопромышленники дѣлають здесь станъ изъ пихтовыхъ ветвей, отъ котораго расходятся во все стороны. Любо смотреть, когда охотникъ спускается съ высочайшей, крутой горы, быстро извиваясь, какъ между деревьевъ. Лыжи употребляются непременно съ подволоками, называемыми *кыс*, которыя дѣлаются изъ оленьей или лошадиной кожи, содранной съ коленей этихъ животныхъ. Несколько не выделанныхъ *кыс* сшивають вместе и подклеивають подъ лыжи, шерстью вверхъ, что дѣлается для большей саткости лыжъ и удобства входить на горы. Простыя, не подклеенныя лыжи теряють свое названіе: оне уже *голицы*. На голицахъ только ходять по *насту* (замерзшій весною на снегу ледяной покровъ, называемый здесь *чарым*). Оне должны быть непременно сосновыя, слоеватыя. Безъ лыжъ черневой татаринъ называется *пльшимъ*, такъ оне необходимы. И сроднился же онъ съ своимъ подножіемъ! Покачиваясь изъ стороны въ сторону, инородцы на лыжахъ легко пробѣгаютъ отъ 70 до 80 верстъ въ весенній день, а въ самый короткій зимній, обыкновеннымъ бегомъ, отъ 50 до 60. Но если охотнику нужно перехватить зверя, т.-е. пересечь линію бега, заметивъ его направленіе, то онъ пробѣгаетъ отъ 100—150 верстъ въ день. Кроме искусства бѣгать на лыжахъ, въ инородцахъ въ высочайшей степени развитъ разумный инстинктъ на звероловстве; при покупкахъ и продажахъ, оне простодушно поддаются всякому обману, а въ лесной ихъ сфере проявляется въ нихъ необыкновенная сметливость: на быстромъ беге, при множестве следовъ зверя, охотникъ итаетъ по нимъ, какъ по грамоте.

Заимствуемъ изъ разсказовъ охотниковъ способы добыванія зверей и начнемъ съ дедушки тайги — *медвѣдя* (абшах). Известно, что медведь съ Воздвиженія (14 сентября) или съ Токрова залегаетъ въ берлогу, или со всемъ своимъ семействомъ, или по крайней мере вдвоемъ, редко — одинъ. Место его зимняго успокоенія избирается въ густой лесной чаще. Признаки его следующие: вершины окружающихъ кустарниковъ обломаны, съ деревьевъ кора содрана. Затемъ, если медведь находится въ берлоге, то оттуда выходитъ тонкій паръ, что видно на обтаенномъ снеге деревьевъ, подъ навесомъ которыхъ вырыта берлога. Снегъ этотъ, обнаруживающій присутствіе зверя, называется *куржакъ*, по которому опытный охотникъ заключаетъ о числѣ обитателей берлоги. Удостоверившись обо всемъ, зверопромышленникъ приглашаетъ одного, редко двухъ товарищей и то изъ своего семейства или родства на охоту. Вооружившись винтовками, рогатинами и топорами, товарищи подходятъ къ берлоге, начинаютъ срубать несколько толстыхъ де-

ревьевъ, исключая осины, которую будто-бы медведь не долюбиваетъ, делаясь отъ нея раздражительнымъ, и заостряютъ на подобіе клина, не обрубая всехъ ветвей; потомъ засовываютъ эти деревья въ отверстіе берлоги, чтобы загородить выходъ, срубаютъ еще несколько деревьевъ и, обрубивъ на нихъ ветви, кладутъ на берлогу въ несколько рядовъ, чтобы медведь въ крайности не проломилъ верхъ ея. Принявъ эти предосторожности, стреляютъ въ берлогу чрезъ отверстіе въ разныхъ направленіяхъ изъ винтовокъ жеребьями, т.-е. цилиндрическими обрубками свинца, которые употребляются вместо крупной пули. Тяжело раненный медведь издаетъ болезненные стоны. Убедившись рогатиною, что медведь убитъ, и что другихъ въ берлоге нетъ, охотники очищаютъ отверстіе, одинъ изъ нихъ спускается туда, завязываетъ за убитаго зверя веревку и вытаскиваетъ его вонъ для дальнейшихъ операцій. Охота на медведя въ берлоге — верная. Если товарищи ловки, то берлогу даже и не затыкаютъ деревьями. Бьютъ медведей и летомъ, но только не для охоты, а по нужде, — когда они приближаются къ жилью и истребляютъ скотъ или хозяйствуютъ въ пасекахъ, — оттого, что въ это время такая охота слишкомъ трудна и опасна, а шкура не имеетъ почти никакого достоинства. Когда медведь окруженъ охотниками и собаками, такъ что ему некуда деваться, онъ, разъяренный, принимается реветь такъ громогласно, что, по словамъ охотниковъ, земля дрожить. Но видя, что ревомъ не беретъ, принимается за деревья, ломаетъ ихъ, вырываетъ съ корнемъ и наконецъ становится на дыбы. Этимъ моментомъ и пользуются охотники, тотчасъ стреляя жеребьями. Но если медведь не становится на заднія лапы, а быстро и смело, обратившись къ охотникамъ, опустивъ голову къ земле, прямо бросается на нихъ, — бой становится опаснейшимъ. Если ему не всадятъ жеребья прямо въ голову, что однако-же очень трудно, зверь на выстрелъ и дымъ стремглавъ бросается, но не дерется долго съ однимъ противникомъ, а нанеши ударъ лапою, обращается на другаго, третьяго, пока не нападетъ на самаго неустрашимаго, съ которымъ вступаетъ уже въ решительный бой. Охотники единогласно утверждаютъ, что медведь замечаетъ и отличаетъ храбраго отъ труса и преимущественно въ войне нападаетъ на перваго, но въ мирное время, когда онъ нечаянно встретится въ лесу съ безоружнымъ человекомъ, то нападаетъ только на отступающаго, а если видитъ, что не очень его испугались, всплыветъ на заднія лапы, обфыркаетъ свою жертву и удалится. — Известно, что медведь, какъ и самое этимологическое значеніе его имени показываетъ, большой сластолюбецъ и шатается иногда по пасекамъ, разбивая всегда самыя лучшіе ульи. Это преимущественно бываетъ тогда, когда

въ тайгахъ мало родилось ягодъ. Въ этомъ случае караулятъ его на повети, которая устраивается на довольно толстыхъ деревьяхъ, вышиною отъ земли отъ 2—3 саж. Такая поветъ называется *лабазомъ*, который делается близъ тропы, по которой обыкновенно посещаетъ медведь пасеку утреннюю или вечернюю зарею. Идетъ онъ всегда, какъ ловкій воръ, тихою поступью, присядая, такъ что ни пруткомъ не хрустнетъ, ни листикомъ не шелохнетъ. Когда онъ поравняется съ лабазомъ, тутъ его встречаютъ несколько пуль. На медвежью тропу ставятъ еще петли изъ веревки, которой одинъ конецъ привязанъ къ древесному отрубку (чурбану). Въ петлю медведь попадаетъ головою, и смерть его неизбежна. Какъ онъ ни старается освободиться отъ докучливаго чурбашка, но онъ все волочится за нимъ и затягиваетъ петлю. Случалось, что медвежата, попавъ въ петлю и, взойдя на утесъ, бросали отъ себя несносный чурбанъ, и сами съ нимъ падали и убивались. Но отгрысть веревку — толку не достаетъ.— Если медведь къ 14 сентября не заляжетъ въ берлогу, это значитъ у него въ голове бродить не доброе. Тогда онъ нападаетъ на скотину. И какъ замечено, что до свежаго мяса онъ не охотникъ, то задавивъ скотину, зарываетъ ее для квашенія въ землю. На этой кладовой устраиваютъ западню изъ бревенъ, которая называется *слабцомъ* и придавляеть зверя своею тяжестью.— Мясо медвежье употребляется инородцами въ пищу, сало — въ болезняхъ. Изъ одного медведя получается сала отъ 2—4 пуд., осенью более, летомъ менее.

Отъ медведя перейдемъ къ волку. На волковъ или ставятъ капканы, или догоняютъ ихъ на лошадахъ и на лыжахъ по насту. Если волкъ нажрался скотины, тогда бываетъ тяжелъ на ногу и всегда расплачивается за столъ своею шкурою. Волковъ еще отравляютъ. Мелко нарубивши говядины, мешаютъ ее съ натолченой или натертой *кучелей* (*Nux vomica*). Чтобы кучеля более имела силы, кладутъ ее и плотно замазываютъ въ какой-либо посудине, и заквашиваютъ въ тепломъ месте. Спустя некоторое время, размазываютъ, мешаютъ и еще поквасятъ. Потомъ, наделавши шариковъ пополамъ съ говядиною, разбрасываютъ ихъ особенно тамъ, где бываютъ волки, которые, поевши такого состава и не много отходя или уползая, сваливаются и издыхаютъ.

Для *лося*, *олена* (*Сervus rugarus*), морала (*C. Elephas*) делаютъ городьбу, которая бываетъ версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляютъ отъ 200—300 луковъ, на рукояти каждаго изъ нихъ, пониже струны, привязывается веревочка и палочка къ ней такъ, чтобы она натягивалась и упиралась однимъ своимъ концомъ въ струну,

а другой подтягивается къверху веревочкой кольцеобразной и свободной; чрезъ пустоту перетягивается силою на 12 вершк. отъ земли и цепляется въ одномъ концѣ узломъ за нижнюю веревочку. Когда силою тронется, будетъ давиться, — узелъ, соскочивши, подернетъ веревочку, тогда мгновенно сдернутся и соскочатъ палочка и струна, — и стрела деревянная съ копьцомъ изъ железа на концѣ, пропускаемая сквозь верхнюю веревочку на струну, летитъ въ свою цель, двинутая тетивою. Это промыселъ летній. Съ лосемъ или *сохатымъ* надобно обходиться осторожнее, потому что онъ, если заметитъ охотника, стремглавъ бросается на него и затаптываетъ ногами. Всего вернее его промыслять по насту, по которому лось ходитъ тихо и осторожно и все-таки портитъ ноги и делается смирнее. — Козлиныя шкуры большею частью идутъ на собственное употребленіе самихъ инородцевъ. Изъ нихъ шьютъ *дохи*, которыя очень теплы и непромокаемы. У морала же всего ценнее рога, столь охотно и дорого покупаемые китайцами. Молодые рога состоятъ изъ одного мягкаго хряща и одеты молоденькою кожей, обросшей низкою атласистой, бураго цвета, шерстью. Внутри этихъ хрящевыхъ роговъ, наиболее въ концахъ отростковъ, которыхъ бываетъ только до 6, смотря по летамъ животнаго, пока они не окостенели, что бываетъ только до Петрова дня, заключается жидкость, столь дорого ценимая китайцами, такъ что моральи рога составляютъ предметъ особенно важный въ меновой нашей торговле съ Китаемъ. Рога бываютъ простые — *сагын мюнюзі* и съ гнездами — *сагын мюнюзіи канду*, у которыхъ въ концахъ отраслей жидкости столь много, что каждая отрасль оканчивается какъ-бы шаромъ. Эссенцію въ моральныхъ рогахъ сохраняютъ такъ: когда убьютъ морала, первымъ деломъ бываетъ снять (отрезать) съ него рога, сейчасъ-же поворачиваютъ ихъ концами книзу, замазываютъ отрезанную часть тестомъ, серой и т. под., обвязываютъ тряпичей и потомъ на веревочке вешаютъ рога внизъ концами, всячески стараясь, чтобы драгоценная жидкость не вытекла; впоследствии она подсыхаетъ, принимаетъ некоторую твердость, цветъ получаетъ коричневый, похожій на цветъ бобровой струи. Внутри Алтая въ некоторыхъ раскольничьихъ деревняхъ мораловъ держатъ ручными въ высокихъ загородкахъ изъ прибыли отъ продажи роговъ, которые тоже въ мае іюне отпиливаютъ. Впрочемъ, далее 7 летъ рога уже не имеютъ жидкости, хотя и перемениются ежегодно. Цены на пару моральныхъ роговъ на р. Чуе следующие:

На простые съ отраслями:		На рога съ гнездами:	
2-мя	10 р.		20 р.
3-мя	20 •		10 •
4-мя	30 •		50 •
5-ю	60 •		80 •
6-ю	70 •		90 и 100 р.

Въ самомъ Китае рога продаются: съ 5 отростками, простые — до 250 р., съ гнездами о 5 и 6 отросткахъ — 350 р. и дороже. Объ употребленіи этой эссенціи говорятъ различно. Одни утверждаютъ, что это самое действительное предохранительное средство отъ всехъ болезней, особенно въ жаркомъ климате, что принятое въ порошокѣ внутрь, продолжительно прохлаждаетъ. Другіе рассказываютъ, что оно способствуетъ благополучнымъ родамъ, также служитъ сильнымъ генеративнымъ средствомъ и поддерживаетъ въ мужчине способность деторожденія. Некоторые уверяютъ, что этой эссенціей знатные китайцы мажутъ головы, отчего навсегда предохраняютъ себя отъ вылезанія волосъ, и что изъ сока этихъ роговъ готовится какой-то элексиръ, необходимый для путешествующихъ чрезъ страшныя пустыни Гоби. За достоверно-же известно, что эссенція эта, приложенная къ ранамъ отъ порезовъ и вообще при разрывахъ покрововъ и мышцъ у человека и животныхъ, чрезвычайно скоро ихъ заживляетъ. Какъ-бы то ни было, но только моральи рога тоже во множестве покупаются въ Хиву, Бухару, Ташкентъ и Коканъ.

Промыселъ лисицы. По насту и по кити (выпавшій большой снегъ) догоняютъ лисицу на лыжахъ; ловятъ и капканами, разставляя ихъ преимущественно на местахъ между озерами, потому что лисица, въ октябре и ноябре месяцахъ, когда еще мало снегу, любитъ бегать по замерзшимъ уже озерамъ, избегая, по возможности, земли, на которой остается большая жесткая трава, кочки и другія неровности, препятствующія ея бегу; перебегая-же съ одного озера на другое, привлекается запахомъ мясного, приближается къ капкану, где кладется кусокъ мяса, и за удовлетвореніе аппетита расплачивается своею шубою. Отравляютъ лисицъ такъ-же, какъ волковъ, кучелею. Наконецъ, если найдутъ гнездо лисье, то выбираютъ оттуда детенышей и воспитываютъ въ деревянныхъ срубахъ.

Промыселъ росомахи сходствуетъ съ лисимъ. Если же она задавить козла, то на этомъ месте ставятъ ловушку, называемую *кулемкою*. Замечательно, что росомаха — всегдашній и непримиримый врагъ лисицы, которую всегда преследуетъ съ

настойчивостью терпеливаго охотника, гоняясь за нею день и два, но, догнавши, только загрызетъ ее, а не естъ, зарывши трупъ въ снегъ или спрятавъ на дерево.

Рысь гоняють на лыжахъ, стараясь, какъ можно скорее, перехватить ея бегъ, но если часъ или два ее не догоняетъ охотникъ, то более уже нечего и беспокоиться, потому что этотъ зверь не уступаетъ. Въ характере рыси охотники знаютъ следующую черту: если захватить ее на месте, то далеко не нужно удаляться отъ этого места, ибо она сколько не кружить, но непременно опять прибежитъ на то-же место, а потомъ уже удалится.

Выдру ловяють *саипомъ* (широкая сеть изъ нитокъ), какъ и рыбу, и собаками.

Каланка ловяють *кулемкою* или *плажкой*, съ наживою рябчикомъ или соленой-душной рыбой; изъ дупловъ выгоняють дымомъ; къ норе ставятъ лукъ — *шергей*, оставляя для входа зверька развилочку, соединенную съ этимъ лукомъ.

Хорекъ идетъ въ *кулемку* или *плажку* на дохлую курицу.

Соболь водится въ каменистыхъ горахъ. Его ловяють *саипами* — *анык*. Если *саипъ* разставляютъ къ ночи, то на каждой стороне его привязываютъ по колокольчику, чтобы узнать, где пробежитъ зверекъ. Лучшіе соболи добываются въ южной части Алтая. Цены на нихъ поднялись въ недавнее время. Летъ за 50 тому назадъ черные соболи или съ проседью, вместо настоящей цены отъ 20—25 р. за штуку, продавались по 300 р. асс. за сорокъ.

Заяцъ идетъ въ *кулему* и *петлю* на осиновыя прутки.

Горностаѣ ловится собаками и бьется *шергеемъ*.

Бѣлку большею частію стреляють изъ ружей мелкою пулею. При среднемъ урожае белки хорошій стрелокъ добываетъ ее отъ 10—20 штукъ въ день.

Ловля *бурундуковъ* есть охота детская. Бурундуковъ промышляють весною по насту, при чемъ звероловы — мальчики делаютъ губами особенный звукъ *пѣфу*. На этотъ призывъ непременно является самецъ и преспокойно просовываетъ свою голову въ подставленную къ нему на палке петлю изъ конскихъ волосъ. Бьютъ бурундука и *тамаромъ* (стрела съ шарообразнымъ концомъ).

Зверопромышленники, настрелявши и наловивши разныхъ зверей, небольшую часть лучшихъ шкурокъ оставляють для сдачи въ *ясакъ*,* а остальные сдаютъ своимъ танышамъ-заимодавцамъ, около Крещенія, которыя и отправляются въ

* Изъ свѣдѣній, полученныхъ мною изъ Бійскаго и Кузнецкаго казначействъ, видно, что вносится соболей 243, лисицъ 72, колонковъ 1041, белокъ 10,130.

Ирбитскую ярмарку въ огромныхъ кашевахъ на многія сотни тысячъ рублей. Изъ всего Алтая более всехъ отправляютъ пушины въ Ирбитскую ярмарку кузнецкій инородецъ, торгующій по купеческому свидетельству, Назаръ Степановъ Картюгешевъ. Цены въ Ирбити на пушину служатъ нормою для местной оценки на будущій годъ.— Что поднялось въ Ирбите, то поднимается и в Алтае и наоборотъ.

Добыча кедровыхъ ореховъ в урожайный годъ выгодна, только, не смотря на цепкость инородцевъ, нередко сопровождается паденіями. Хорошій кедръ доставляетъ до 2 пуд. чистыми орехами, которые продаются на месте пріезжающимъ сюда крестьянамъ за весьма выгодную цену, разумеется, для послѣднихъ. Часто *пудовка* (мера) ореховъ идетъ на такую-же ячменя. Урожай ореховъ узнается съ осени: тогда уже зарождаются на кедрахъ шишечки, ихъ вместилища, которыя, подъ названіемъ *озими*, созреваютъ впродолженіе года.

Хлебопашествомъ кочевые инородцы занимаются мало и допотопнымъ образомъ: роютъ землю *обыломъ*, въ роде закругленной мотыги; сеютъ пшеницу и ячмень. Уборка этихъ хлебовъ производится такъ-же, какъ и льна: растеніе выдергивается съ корнемъ. Собранный такимъ образомъ хлебъ связывается у колосьевъ въ небольшіе пучки, парами, и вывешивается на жерди для просушки. Спустя неделю или более, судя по состоянію погоды, колосья высохшихъ пучковъ берутъ въ руки у комля, держатъ надъ разложеннымъ на пашне огнемъ, такъ что солома вся сгоритъ, а въ рукахъ остаются одни колосья, которые бьютъ палками и очищаютъ отъ плевъ. Для сохраненія зерна, на пашне-же врываютъ въ землю 4 столба, настилаютъ жердями, и на этотъ полъ, отстоящій отъ земли аршина на два, ставятъ большіе изъ бересты короба и наполняютъ ихъ зерномъ. Большой коробъ (*уланъ*) вмещаетъ въ себя пуд. до 25. Покрышка коробовъ состоитъ изъ жердей, бересты и земли. Въ такихъ воздушныхъ амбарахъ хлебъ сохраняется отлично. Въ Северномъ Алтае сеется еще немного конопли. Овощей никакихъ нетъ.

Оседлые и новокрещенные инородцы привыкаютъ къ правильному земледелію и огородничеству.

Сверхъ этихъ общихъ занятій, средства къ содержанію разделяются по местнымъ условіямъ:

1) Южные алтайцы попреимуществу — скотоводы. Цветущему состоянію скотоводства способствуютъ долины, покрытыя *кипцомъ* (*ізію элен*), это — мелкая трава, безъ листьевъ, изъ одного стволика состоящая, любимая скотомъ и утучняющая его; солонцы и подножный кормъ во весь годъ. У богатыхъ калмыковъ бываетъ до 40 табуновъ коней и до 3000 овецъ.

Табунъ состоитъ изъ одного жеребца и около 30 кобылицъ. Между-горныя долины: *Чуйская* (самая обширная во всемъ Алтае, въ длину 64 вер. и въ ширину 43), *Курайская* (въ длину 20 вер. и въ ширину 12) и *Абайская* (въ длину 35 вер. и въ ширину 3) усеяны рослыми, горбоносыми, съ умеренными кудрями, широкими и отвислыми ушами и длинношерстными алтайскими овцами. Алтайскіе быки отличаются также своею дородностью.

2) Северные алтайцы, особенно живущіе при рр. Томи и Мрасе, занимаются рыболовствомъ, вязаніемъ рыболовныхъ сетей, которыя продаются в большомъ количестве в г. Кузнецке въ 9-ю после Св. Пасхи пятницу. Многіе занимаются и пчеловодствомъ, которое находится въ хорошемъ состояніи особенно по р. Антропу, где местность очень благопріятствуетъ этому занятію. Горы, покрытыя кустарниками: таволгою, акаціей, малиною, сочными, въ ростъ человека, травами, преимущественно кипреемъ (*Epilobium angustifolium*), даютъ много белаго, ароматичнаго меда. У некоторыхъ инородцевъ количество ульевъ доходитъ до 1000. Антропскіе ульи славятся въ Кузнецкомъ округе своею доброкачественностью, немного уступая въ плодovitости дикимъ пчеламъ. Впрочемъ, правильной торговли пчелами здесь нетъ. Желаящій купить пчелъ у Антропскихъ инородцевъ приходитъ къ нимъ весною, непременно съ виномъ, и по мере этой заманчивой въ высшей степени для инородцевъ влаги, пользуется не только уступкою въ покупке пчелъ, но весьма часто и значительнымъ подаркомъ оныхъ. Приобретенныя такимъ образомъ пчелы сплавляются на плотахъ по р. Кондоме, въ которую впадаетъ р. Антропъ. Кроме пчеловодства занимаются еще пчелованьемъ, т. е. отыскиваніемъ въ дуплахъ дикихъ пчелъ, которыя произошли отъ домашнихъ. Кому посчастливится въ теченіе весны, тотъ находитъ колодокъ до 20 этихъ блуждающихъ пчелъ. Для приплода эти пчелы считаются лучшими; оне даютъ въ одно лето не редко 5 хорошихъ роевъ.

Изъ домашнихъ животныхъ северные алтайцы держатъ только коней и то въ ограниченномъ числе, и очень мало въ некоторыхъ местахъ, напр. по рр. Мрасе и Мындыбашу — коровъ. О подножномъ корме здесь и думать нельзя: снегъ выпадаетъ очень рано и всегда достигаетъ 3 ар. глубины.

Домашняя посуда, приготовляемая самими инородцами, обусловливается местною обстановкою: на юге играетъ роль кожа, на севере — береста. Для сохраненія, напр., жидкостей, на юге шьют жилами: *аркыш* для кумыса и чегэня, почти в ростъ человека, вмещающій в себе около 10 ведеръ, *тамаур*, вмещающій около 1 ведра и *порбуи* изъ цельной кожи, снятой съ

коровьей ноги, мерою отъ 1 до 1¹/₂ ведр. Последніе два сосуда употребляются преимущественно въ дороге. Для этихъ сосудовъ сырую кожу, опаривши въ горячей воде и очистивши шерсть руками, сшиваютъ тогда-же по известной формѣ и, высыпавъ сухой земли, досушиваютъ близъ огня въ теченіе 10 дней. Потомъ, высыпавъ землю, дымятъ сосуды 7 сутокъ или более, чтобы сквозь продымились; отъ дыму кожа размягчается, но просохнувъ на ветру 1 день, делается твердою, рогаобразною, такъ что ее ножъ не беретъ.

У северныхъ алтайцевъ для воды, молока, масла, араки и меда делаются разныхъ размеровъ бураки (по-сибирски *туесъ*), которые для перевозки во вьючныхъ сумахъ имеютъ полукруглую форму. Впрочемъ, на обувь себе и они готовятъ кожу *сагыры*, посредствомъ дымленія-же, а именно: сырую кожу лошади, редко коровы, обривши острымъ ножемъ, натираютъ сначала порошкомъ изъ пихтоваго угля, потомъ — отваромъ изъ оглоданныхъ костей, тщательно для сего сохраняющихся отъ пиршественныхъ столовъ, отчего кожа принимаетъ черный цветъ. По очерненіи кожи вывешиваются зимою на солнце, а летомъ въ тени на одинъ месяцъ, и проветренныя мажутся лошадинымъ саломъ — чемъ больше, темъ лучше, и затемъ смягчаются въ *талыкѣ*. Талыкъ — колода, около 2 арш. длины, съ пространствомъ между стенками до 5 вершковъ, безъ дна, съ зазубринами съ обеихъ сторонъ, въ средину которой вставляются *балазы*, въ роде выгнутой къ одному концу толстой оглобли, съ зазубринами-же. Одинъ человекъ переворачиваетъ сложенную кожу въ талыке, а другой, приподнимая и отпуская прямой конецъ балазы, снимаетъ ее. Въ день обыкновенно смягчаютъ не более двухъ большихъ кожъ, редко три. Приготовленная такимъ образомъ кожи дымятся, для чего делаютъ въ земле печку въ роде техъ, въ какихъ варится масло или смола. На верхнее отверстіе печи полагается не более двухъ кожъ, сложенныхъ такъ, чтобы дымъ проникалъ между изгибами. Накрываютъ кожи берестянымъ круглымъ коробомъ, затопляютъ печь пихтовымъ гнильемъ и засыпаютъ землей. Въ теченіе 3-хъ дней дымъ проникаетъ кожи, которая по выдымленіи еще смягчаются въ талыке, и готовы на обувь. Изъ этой кожи обувь теплее, нежели изъ обыкновенной. Она не боится ни жара, ни мороза. Нога зверопромышленника, обутая въ *сагыры*, твердо стоитъ на лыжахъ, не скользитъ и на деревьяхъ. Не смотря однакъ на эти достоинства *сагыры*, оне имеютъ свои недостатки. Кожа эта не терпитъ летомъ сырости и скоро изнашивается. Съ осени до весны инородцу достаетъ однихъ *чирковъ*, но летомъ ихъ надобно несколько.

Домашнія работы, главнымъ образомъ, лежатъ на женщинахъ. На юге Алтая женщины доятъ коровъ и кобылицъ, шьютъ обувь, одежду делаютъ, кумысъ, высиживаютъ аракы, готовятъ дрова, нося на своихъ спинахъ повалившіяся отъ ветра лесины, оседлываютъ и навьючиваютъ коней, возятъ, за отсутствіемъ мужей, подводы; на севере делаютъ все тоже за исключеніемъ ухода за скотомъ, и еще копаютъ землю для посева ячменя, полютъ свои пашни, заготовляютъ на зиму кандыкъ, косятъ сено серповидными косами, известными въ Сибири подъ именемъ *горбушъ*, и готовятъ на халаты своихъ мужей двойную ткань, въ роде ревендука, изъ конопли. Для этого коноплю разделяютъ посредствомъ только рукъ и зубовъ на тонкія волокна, которыя, согнувъ въ кругъ, кладутъ въ берестяной коробъ, а чтобы волокна въ коробе не спутались, пересыпаютъ каждый кругъ ячменной шелухой или лузгой. Конецъ одного волокна соединяется съ концомъ другаго — присыпается. Когда коробъ наполнится этими тонкими волокнами, тогда берутъ большое веретено и ссучиваютъ ихъ, давая видъ обыкновенныхъ нитокъ, которыя, протянувъ въ несколько рядовъ на полу, чрезъ всю юрту, сплетаютъ въ узкую (около 6 вер.), но прочную и неудобопромокаемую ткань.

Языкъ

Языкъ алтайскихъ инородцевъ въ основе тюркскій, въ некоторыхъ свойствахъ склоняется къ киргизскому, включаетъ некоторыя слова уйгурскія и много монгольскихъ; въ немъ есть корни для словъ татарскихъ. Такая смесь, вероятно, произошла оттого, что предки нынешнихъ алтайцевъ — Ойроты всегда представляли собою массу племенъ, находившихся въ непрерывныхъ связяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, съ разными кочующими племенами.

Письменности алтайцы не имеютъ. Въ ихъ языке нетъ звуковъ, изображаемыхъ русскими буквами: *в, ф, ц, щ*; напротивъ, есть и такіе, для которыхъ нетъ соответствующихъ буквъ въ русской азбуке, какъ носовое, подобное французскому *п*, мягкое *г*, придыхательное *к*, средніе звуки: *ö, ü*.

Гласныя буквы следуютъ закону *созвучія*, который состоитъ въ томъ, что оне въ каждомъ слове могутъ изменяться и произноситься такъ, чтобы гармонировали съ основнымъ тономъ, затронутымъ главною гласною.

Согласныя твердыя буквы следуютъ закону *смягченія при сочетаніяхъ* съ некоторыми согласными-же, а особенно съ гласными.

Удареніе бываетъ, за небольшими исключеніями, на последнемъ слоге.

Этимологическія перемены совершаются приставкой въ конце слова, а самое слово не терпитъ при этомъ никакой внутри себя перемены. Въ алтайскомъ языкѣ весьма мало исключеній. Вместо нашихъ частей речи, здесь достаточно разделить на склоняемыя и спрягаемыя. Все зависитъ отъ логическаго значенія слова, а не отъ окончаній.

Склоняемыя формы:

Множ. число принимаетъ, смотря по созвучію, приставку *ар*, *ер*, или *ор*, съ предшествующими согласными *д*, *л*, *т*, определяемыми конечною буквою въ корне. *Ада* — отецъ, — *адалар*; *ором* — улица, — *оромдор*; *'іш* — дело, — *іштер*.

Падежи отличаются приставками-же, для единственнаго и множественнаго чиселъ одинаковыми, а именно:

Родительный или притяжательный *ын* или *ін* съ предшествующими теми-же, какъ и въ родительномъ. *Баш* — голова, ед. *башты*, мн. *башшарды*, *ад* ед. *аданы*, мн. *адаларды*.

Дательный или приблизительный, такъ какъ онъ выражаетъ и ответъ на вопросъ: *куда?* оканчивается после гласныхъ на *а*, *э*, *о*, исключая *у* и *ю*. Конечныя коренныя буквы: *к* и *н* сочетаются съ теми-же буквами. *Ада* — *адаа*, *эне* — мать, *энеэ*, *козо* — колокольчикъ, *козоо*. После *у* и *ю* и согласныхъ — на те же буквы, но съ предшествующими: *г*, *к*, *х*.

Исходный имеетъ окончанія: *ан* (*ен*, *он*), съ предшествующими буквами, какъ въ родительномъ. *Ада*, *Ададан* — изъ отца, или отъ отца, *тамар* — жила, *тарамнан* и проч.

Творительный или соединительный съ после — положеною частицею: *была*, *былан*, *біле*, *білен* (съ кемъ, чемъ).

Местный съ после — положеніями: *да*, *та*, (*дэ*, *тэ*, *до*, *то*) — въ, на.

Притяжанія.

Все имена алтайскаго языка допускаютъ притяжанія, въ известныхъ буквахъ или частицахъ, для обозначенія личной принадлежности предмета. Притяжанія эти не должно смешивать съ притяжательными местоименьями (*Suffixa*), потому что отношеніе понятій въ предложениі къ субъекту предложенія, хотя было-бы ясно и безъ притяжательныхъ знаковъ, даже если было-бы уже определено притяжательнымъ местоименьемъ, однако-же и тогда свойство языка требуетъ притяжаній.

Притяжанія 1-го лица: *м*, *ада* — отецъ, *адам* — мой отецъ, *адалар адалар(ы)м* мои отцы. Для выраженія принадлежности предмета многимъ лицамъ употребляется *неотдѣляемое* местоименіе *біс* — нашъ: *ада біс* — наш отецъ, *адалар(ы)гар* — ваши отцы.

2-го лица принадлежность одному *н*, многимъ — *гар*: *адан* — твой отецъ, *адагар* — вашъ отецъ, *адалар(ы)н* — твои отцы, *адалар(ы)гар* — ваши отцы.

3-го лица: *ы, і, у*: *ада(з)ы* — его отецъ, *адалары* — его отцы, *эне(з)і* — его мать, *энелері* — его матери, *су* — вода, *суу* — его вода и проч.

Склоненіе именъ съ притяжательными приставками следуетъ общему правилу, только дательный падежъ принимаетъ одну букву *а (э)* и при этомъ притяжаніе 3-го лица принимаетъ сыроническую букву *н*, *адам* — мой отецъ, дат. не *адамга*, но *адама*, *адаларыма*, *адан* — твой отецъ, *адана*, *адазы* — его отецъ, *адазына*, *адарына*. Кроме того въ винительномъ падеже съ приставкою 3-го лица опускается гласная падежнаго окончанія: *адазын* — его отца (вин. пад.).

Глаголь.

Корень глагола — 2-е лицо единст. числа повелит. наклоненія: *бар* — иди, *кел* — приди, *эт* — делай. Приставка *гын* означаетъ моленіе, просьбу.

Въ глаголе есть формы несколько похожія на наши залогі. *Ал* — возьми, прибавивъ къ нему слогъ *дыр*, получимъ форму, такъ называемую, *вліятельную*. Она, впрочемъ, имеетъ разныя названія, которыми разные филологи, по своему разуменію, думали удачнее выразить разнообразное значеніе этой формы. Окончаніе *сыр* есть более частное, но есть и другія. Глаголы, оканчивающіеся на гласную, принимаютъ въ этой форме *т*: *сарна* — пой, *сарнат*. Та-же буква (*т*) придается нередко къ корню на *р*, если двухъ и более сложное. А односложныя слова на *р* принимаютъ *гыз (гуз)*, *тур* — стой, *тургуз*. Глаголы односложныя, оканчивающіеся на *щ, ч, т*, получаютъ въ вліятельной форме только *ыр*.

Все разнообразныя значенія этой формы сводятся къ одной идее. Здесь одно и тоже действіе относится къ двумъ субъектамъ, изъ которыхъ одинъ (подлежащее кореннаго глагола) есть непосредственный исполнитель действия, а другой (подлежащее глагола въ этой форме) — даетъ первому поводъ къ действию. Поводъ можетъ быть разный, более и менее обязательный, и даже вовсе не обязательный, именно: насильное заставленіе или приневоливаніе, просьба, соблазнъ, оплошность, допустившая действіе, а иногда даже и этого, повидимому, нетъ, а есть одно отношеніе, напр., *урла* — укради, *урлаттым* — у меня украли, собственно: я далъ поводъ украсть. Иногда (порусски) мы себе приписываемъ действіе, метонимически, чужое: я построилъ домъ, сшилъ сюртукъ, тогда какъ мне работали

другіе; у алтайцевъ при этомъ непременно ставится понудительная форма.

Чрезъ прибавку *ш* (*ыш*) происходитъ форма взаимная. Она предполагаетъ участіе въ дѣйстви двухъ и более лицъ и имеетъ два значенія: взаимодействие и сочиненіе въ дѣйстви.

Л и *н* даютъ значеніе: первое — страдательное, второе — возвратное.

Страдательная форма употребляется и въ среднихъ глаголахъ, и всегда безлично, т. е. по форме въ третьемъ лице единств. числа, а по значенію это — первое лице. Страдательный оттенокъ въ томъ, что дѣйствіе исполнено не вполне добровольно, а принужденно, или по требованію обстоятельствъ.

Есть форма, означающая несколькократность — *гыла* и однократность — *ыс*.

Поелику эти формационныя приставки, сами по себе, не имеютъ особаго окончанія невозможнаго для кореннаго глагола, то эти формы могутъ удваиваться и утраиваться, и т. д. до безконечности. Но собственно далее двухъ или трехъ формъ въ одномъ глаголе не допускаетъ употребленіе, а логическаго препятствія нѣтъ, и этимологическаго тоже: напр. *кій* — одень, — *кійн* однься, *кїендер* — заставь одеться. *Сук* — ударь, бей, *сугыш* — бейся, сражайся, *сугыштыр* — заставь сражаться.

Наконецъ, въ видѣ особой формы, существуетъ отрицательная форма на *бо* (*бе*). *Бар* — иди, *бирба* — не ходи, *нел* — приди, *келбе* — не приходи. Эта форма не повторяется и не принимаетъ за собой другой еще формы.

Спряженіе глагола во всехъ этихъ формахъ делается посредствомъ одинаковыхъ приставокъ, исключая отчасти страдательную форму. А именно причастіе будущее оканчивается на *р*, а въ отрицательной — на *с*. *Кел*, *келер*, *келбес*.

Повелительное 2-е лице единств. числа мы знаемъ, а во множ. числѣ прибавляется притяжательная приставка *гар*: *чык* — выйди, *чыг(ы)гар* — выйдите. 3-е лице единств. числа принимаетъ *зын*: *тур* — стой, *турзын*. Множеств. по правиламъ склоненія принимаетъ: *дар*, *пурзындар*. 1-е лице повелит. накл. единств. числа: *аин* (*ейн*): *бараин*, *келеин*; множеств.— *алы* (*ели*): *баралы*, *келелі*, и отсюда уже съ окончаніемъ множ. числа: *туралдар* (*ы* выпало).

Изъявительное наклоненіе. Настоящее время делается изъ деепричастія на *а* (*е*). Въ третьемъ лице прибавляется *т*: *бара* — *барат*, *келе* — *келет*. Отсюда уже делаютъ прочія лица чрезъ приставку: *барадым* (*д* смягчилсь изъ *т*); множеств. 1-е лице: *барадык*; 3-е множ. число *баралыдар*; 2-е лице единств. *баразын*, а множ. *баразыгар*.

Кроме этого настоящего есть еще перефразистических два: одно съ вспомогательнымъ глаголомъ *ят* — лежи, другое съ вспомогательнымъ глаголомъ *тур* — стой. Только здесь изъ *ятат* сделалось сокращенное *ят*, а изъ *турат* стало *туру*. Они предшествуютъ глаголамъ въ деепричастіи на *п*: *біліп* — ядымъ знаю, *біліп ясын* знаешь (т. е. *ятсын*, но *т* выпало) и проч.

Прошедшаго времени две формы: одно *ды*: *бар* — иди, *барды* — онъ пришелъ, другое (причастіе) *ган*: *барган*. Первое означаетъ дѣйствіе лично и по очевидному виденію известное говорящему, а последнее — что известно по слуху, сюда же относятся событія древнія. *Келген* — пришелъ (какъ я слышалъ), *келді* — пришелъ (я самъ виделъ, какъ онъ пришелъ).

Будущее делается изъ причастія, оканчивающагося на *р*: *келер*, *турар* съ притяжательными приставками: *кереліра*, *келерзн*, *келер*; *келерібіс*, *келерзігер*, *келерлер*.

Причастіе: *келер*, *келген*, *келеттен*.

Деепричастія: *келе*, *келіп*, *келгінче* и т. д.

Словосочиненіе.

Начнемъ съ самого простаго предложенія, состоящаго изъ подлежащаго и сказуемаго:

Предложеніе состоитъ изъ подлежащаго — имени и сказуемаго, которое можетъ быть или имя, или глаголь. Подлежащее ставится на первомъ месте, сказуемое — на второмъ, связи въ алтайскомъ языке нетъ.

Подлежащее, какъ и всякое имя, никакимъ косвеннымъ падежемъ, кроме родительнаго, не управляетъ (исключеніе отглагольныхъ именъ). Подлежащее, какъ и всякое имя, принимаетъ определенія. Определеніе всегда ставится прежде определяемаго.

Определяющими словами могутъ быть: прилагательное, причастіе, указательное местоименіе и числительное. Имя можетъ определяться и существительнымъ: или въ отношеніи количества (фунтъ воску, возъ сена), или въ отношеніи матеріала (кольцо изъ золота, домъ изъ дерева), или по сходству (лепешка, подобная коже), или въ отношеніи объема понятія, такъ что определяемое выражаетъ общую сумму предметов, а определяющее — меньшую группу или даже предметъ единичный (голубь — птица, Кондома — река) или въ отношеніи принадлежности (лошадиная кость, поясъ бабушки).

Кроме послѣдняго случая, все прочія определительныя слова предшествуютъ определяемому и не имѣютъ на него никакого вліянія, и сами отъ него не изменяются ни падежной приставкой, ни какимъ окончаніемъ, которое-бы делало ихъ

подобными прилагательному. Такимъ-образомъ по-алтайски говорятъ: белый снегъ — *ак кар*, одинъ, два, три, пять человекъ — *бїр, экы, уч, беш, кыжі*, две чашки чай — *экы аяк шай* (слово въ слово: два чашка чай), *таш уй* — камень домъ (т. е. каменный домъ), *темір курек* — железо лопатка (т. е. железная лопатка), *карчіга куш* — птица соколя, *Ібан карындаш*, братъ Иванъ. Собственное имя города, реки и т. п. сопоставляются также.

Отношеніе принадлежности бываетъ определенное и неопределенное: лошадиная голова, т. е. голова вообще лошади, и голова определенной лошади. Лошадь — *ат*, голова — *баш*, лошадиная голова — *ат бажі*, голова этой лошади — *бу аттып бажі*. Следовательно, родит. приставка выражаетъ определенность, а отсутствіе приставки — неопределенность; точно также бываетъ и съ падежемъ винительнымъ. А потому слово безъ всякихъ приставокъ нужно считать не собственно именовательнымъ падежемъ, а неопределеннымъ.

Имя со всеми своими определеніями, какъ бы они ни были многочисленны, многосложны, представляетъ какъ-бы одно цельное слово, т. е. окончаніе множественнаго числа и косвеннаго падежа приставляется только къ одному последнему слову, а все предшествующія слова остаются безъ всякихъ приставокъ.

Сказуемое бываетъ иногда глаголь. Формы глагола изложены выше. Здесь упомяну о томъ, какъ алтайцы выражаютъ русскіе виды, т. е. продолжительность, оконченность, начинаніе и т. под. Все это и тому подобную сложность идей они выражаютъ сочетаніемъ несколькихъ отдельныхъ глаголовъ. Для этого нужно русскій глаголь разложить на его составныя идеи, для которыхъ въ алтайскомъ существуютъ особыя слова, расположить эти глаголы въ порядке выражаемыхъ ими действий, предыдущіе глаголы поставить въ деепричастіи на *п* и только последній глаголь поставить въ требуемомъ наклоненіи и времени. Наприм., *носить* = *поднять* — *взять* — *ходить*; а потому *носить* = *поднявши, взявши, ходить*; *принести воды*: *принести* = *взять, придти: воду взявши, придти*; *сходи въ аилъ*: *сходить* = *пойти* — *придти: въ аилъ пошедши, придти*. Следовательно, здесь механическаго правила назначить нельзя, а непременно нужно руководствоваться логикой. Впрочемъ, вспомогательные глаголы: *ят* — лежи, *тур* — стой и *тюрь* — живи, можно употреблять всегда для выраженія продолжительности действиія. Для выраженія начала действиія приличенъ глаголь *тур* — дай, когда не требуется определить, долго или нетъ продолжалось начавшееся действе, или два глагола: *тур* и *бер*, когда нужно выразить, что действе после начала имело продолженіе. Если нужно выразить, что предметъ совершилъ действе для себя или

въ себе, употребляется глаголь *ал* — возьми; а если для другаго — *бер дай*. — Когда нужно выразить, что действіе начало совершаться неожиданно, внезапно, необычно, или, что действіе предмета выразилось въ движеніи по известному направленію, тогда употребляется глаголь *ій* — отпусти, пошли. Для выраженія оконченнаго действія, не определяя, для себя-ли действовалъ предметъ, или для другаго, употребляются глаголы: *сал* — положи, *кой* — перестань.

При выборе вспомогательныхъ глаголовъ надобно помнить, чтобы они логически не противоречили главнымъ глаголамъ.

Глаголь можетъ распространяться дополненіями, которыя выражаются падежами.

После глагола могутъ ставиться все косвенные падежи, кроме родительнаго.

Всякое зависящее слово ставится прежде управляющаго. Впрочемъ, строго логическій порядокъ въ предложеніи, по которому определенія и дополненія ставятся прежде определяемыхъ и управляющихъ словъ, въ разговорѣ не редко изменяется. Въ этомъ случае существуетъ такой психологическій законъ: если целая мысль вполне и вдругъ представляется в уме говорящаго, тогда слова ставятся въ строго-логическомъ порядкѣ. Нестройное-же слово-расположеніе обличаетъ нестройность мышленія, т. е. человекъ, сказавши несколько словъ, припоминаетъ, для дополненія, еще некоторыя слова, а эти, после уже придуманныя, а не однимъ цельнымъ актомъ мышленія обнятыя идеи прибавляются къ предложенію, вопреки вышеизложеннаго порядка.

Употребленіе падежеи: Именовательнаго падежа, вместо русскаго родительнаго, требуетъ отрицательная частица: *йок* — не, безъ, одна и въ соединеніи съ глаголами. Глаголы: быть, сделаться, стать вместо русскаго творительнаго — тоже.

Родительный или притяжательный ставится только при имени существительномъ. Но отглагольныя имена действія и действующаго удерживаютъ управленіе своихъ глаголовъ, отъ которыхъ они произошли.

Винительный падежъ въ алтайскомъ языкѣ имеетъ такое-же значеніе, какое и въ русскомъ. Но такъ-какъ многіе действительные глаголы алтайцевъ соответствуютъ русскимъ среднимъ или возвратнымъ глаголамъ, то не всегда можно по употребленію винительнаго падежа въ русскомъ языкѣ определять употребленіе этаго падежа въ алтайскомъ. Вотъ несколько случаевъ, въ которыхъ алтай-винительный падежъ соответствуетъ различнымъ русскимъ падежамъ. — При глаголахъ: *пашхарарга* — управлять чемъ, *керегтеіргэ* — нуждаться, *йоксынарга* — скупать, горевать о лишеніи чего-нибудь, *танархарга* — удивляться

чему, *электеіргэ* — смеяться надъ чемъ, *эжергэ*. Следовать за кемъ, ставится винительный падежъ.— *Глакечергэ* — переплывать, переправляться, *ажарга* — переезжать, *өдörго* — проходить, переезжать (чрезъ что) требуютъ винительнаго падежа, который въ русскомъ языке находится въ зависимости отъ предлога: *чрезъ*.— Зависящія въ русскомъ языке имена отъ предлога *объ*, ставятся въ алтайскомъ языке въ винительномъ падеже при глаголахъ: *угарга* — слышать, *эрмектеіргэ* — разговаривать, беседовать, *адарга* — говорить и т. п.— Винительный падежъ употребляется при глаголе вспомогательномъ *деп* — думаю, говорю, вместо русскихъ: дательнаго, творительнаго и предложнаго падежей.— Если въ русскомъ языке, вместо винительнаго падежа, стоитъ целое предложеніе, подлежащимъ котораго служатъ местоименья: *что, который*, или наречія места и времени, а сказуемымъ — глаголь, то въ алтайскомъ языке местоименья эти опускаются, а сказуемый глаголь всегда полагается въ причастіи винительнаго падежа.

Дательный или *приблизительный* падежъ употребляется при означеніи предмета, къ которому что-либо относится, по вопросамъ: *кому, чему?* — При выраженіи движенія или направленія къ какому либо предмету, на вопросъ: *къ кому, чему?* — При означеніи направленія или движенія предмета во внутренность другаго по вопросамъ: *въ кого, во что, куда?* — При определеніи цели, конца, меръ, пространства, причины и места совершенія действия или положенія предмета, по вопросамъ: *для кого, для чего, до кого, до чего, обо что, за что* (вместо *чего*), *на кого, на что, на какую вещь, по какой поверхности, у кого, у чего, среди кого, въ чемъ, отъ какой причины, въ какую мѣру, при чемъ, противу кого?* При означеніи посылки или шествія за какимъ-либо предметомъ, по вопросамъ: *за кѣмъ, за чѣмъ?* — Глаголы: *чыдал* — могу, терплю, *очожіп* — ненавижу, *чііп* — пишу на чемъ, *сугунуп* — радуюсь, *ачінып* — жалею, *кілеп* — принимаю участіе въ комъ, обращаю вниманіе на кого — требуютъ падежа дательнаго.— При глаголахъ вліятельныхъ, имеющихъ значеніе страдательное, предметъ, отъ коего происходитъ вліяніе, полагается въ дательномъ падеже.— Глаголь *болуп* — становлюсь, бываю, делаюсь, требуетъ дательнаго падежа въ техъ случаяхъ, когда имъ выражается согласіе, уступка, угожденіе, подчиненіе, стремленіе одного предмета къ другому.— При глаголе *толорго* — наполняться и *толо* — полный, предметъ наполняемый ставится въ дательномъ падеже.— Дат. пад. въ причастіи на *р* означаетъ родъ супина.

Исходный падежъ употребляется — для означенія выхода,

изъятія, происхожденія и удаленія предмета отъ чего-нибудь; — для означенія предела или пункта, отъ котораго начинается движеніе, измереніе или исчисленіе. — Когда говорится о превосходстве или недостатке въ какомъ-нибудь отношеніи одного предмета или прилагательнаго качественнаго предъ другимъ, тогда имя или прилагательное, съ которымъ данный предметъ сравнивается, полагается въ исходномъ падеже, вместо родительнаго, при чемъ прилагательное особаго сравнительнаго окончанія не принимаетъ. — При означеніи вещества, изъ котораго что-нибудь сделано, ставится падежъ исходный. — Глаголы, означающіе стыдъ, опасеніе, боязнь, отчаяніе, напр., *кор-карго* — бояться, *ійменергэ* — опасаться, *уляларга* — стыдиться, *чокоіргэ* и *туулергэ* — отчаяваться; также *яжірарга* — скрывать, *сурарга* — спрашивать, *эрігергэ* — наскучать, *чыгарга* — выходить, *өчкуарга* — мстить, *каларга* — оставаться, *калыжарга* — отставать; равно какъ глаголы: *качарга* — бежать отъ кого, *алтанарга* — отскакивать, пугаться кого и *братъ*, *держатъ* за что — согласуются съ падежемъ исходнымъ. — Послелоположенныя частицы *пашха*, *өсыө* — кроме *озо* — прежде, *бері* — съ (какого времени) — требуютъ падежа исходнаго.

Соединительный (творительный) падежъ употребляется — для сочетанія предметовъ, производящихъ одно действіе, или находящихся въ одинаковомъ состояніи, независимо одинъ отъ другаго, по вопросамъ: *съ кѣмъ, съ чѣмъ? или-же сочетанія* такихъ предметовъ, изъ которыхъ одни участвуютъ въ действіи или состояніи по воле другихъ предметовъ, или по тесной связи съ ними; — для наименованія лицъ, орудія или средства, которымъ совершается действіе, по вопросамъ: *кѣмъ, чѣмъ, на комъ, на чѣмъ?* — Въ соединительномъ падеже полагается имя предмета, изъ котораго что-нибудь сделано, если этотъ предметъ имѣетъ значеніе матеріальной причины. — Соединительный падежъ ставится иногда для выраженія того, что действіе предмета совершилось тотчасъ за другимъ действіемъ или что действіе предмета совершается по временамъ. Въ соединительномъ падеже полагается то, по образцу чего производится что-нибудь.

Мѣстный падежъ полагается при означеніи пребыванія, покоя или остановки на месте, по вопросамъ: *въ комъ, въ чемъ, на комъ, на чемъ, гдѣ?* также: *у кого?* — При означеніи времени года и дня, по вопросу: *когда?* — Мѣстнымъ падежемъ иногда означаются обстоятельства, при которыхъ совершилось действіе, или причина, вследствие которой произошло действіе.

Въ употребленіи числъ надобно заметить, что имена предметовъ, имѣющихъ известное определенное число, или хотя неопределенное, но множественное, напр., глаза, уши, руки, ноги, зубы, волосы, листья, перья и проч., не употребляются во множе-

ственномъ числе. Если-же нужно определительнее показать, что подъ словомъ, напр., *кол* разумеется не одна рука, а обе, тогда придають числительное *эки кол* — обе руки.

О предложеніи сложномъ, состоящемъ изъ соединенія несколькихъ предложеній. Предложенія, входящія въ составъ одного періода, относятся между собою, какъ главныя и зависящія. Последнія въ нашемъ языке подчиняются главному посредствомъ местоименія относительнаго или союзовъ. Алтайцы этихъ средств не имеютъ, а между темъ въ мышленіи ихъ неизбежно должно являться сложное соотношеніе несколькихъ предложеній, напр., причинность, временная обстоятельственность и т. п. Только условіе и уступленіе выражаются особю формою глагола: *акчам болзо, садып-аларым*, если у меня будутъ деньги, куплю. *Акчам болзо-да, албарым*, хотя у меня и будутъ деньги, не возьму.

Все другіе случаи соподчиненія предложеній подведены подъ те-же законы, какими соподчиняются отдельные слова, именно, какъ определеніе и какъ дополненіе, т. е. какъ прилагательное или какъ зависящій падежъ.

Подобно прилагательному сочиняются предложенія определительныя, а падежами те, которыя начинаются у насъ какимъ-либо союзомъ. Въ обоихъ случаяхъ механизмъ совершенно одинаковый и простой. Именно, подчиненное предложеніе должно взять отдельно и составить по-алтайски, и потомъ, если оно оканчивается глаголомъ въ какомъ-нибудь времени изъявительнаго наклоненія, то глаголъ поставить въ причастіи того-же времени и залога, а если оканчивается прилагательнымъ, вставить безъ перемены, и затемъ зависимость предложенія обозначить логически приличнымъ падежемъ, а определительное безъ всякой перемены поставить только предъ словомъ определяемымъ, и тогда все дело окончено. Напр.

На шубу, которук наденешь на свадьбе.

Шолковая канфа пусть пригодится. Сначала должно разложить на два особыхъ предложенія: на шубу шолковая канфа пусть пригодится, *тонынга торхо мандык ярашсын*, ты наденешь къ свадьбе, *сень тойго кіэрзін*. Въ последнемъ предложеніи слово *кіэрзін* поставимъ въ причастіи будущаго времени *кіэр*, и будетъ такъ:

Тойго кіэр тонынга, торхо мандык ярашсын. Человекъ, у котораго много денегъ, называется богатымъ. — Человекъ называется богатымъ, *кыжі бай аданып — ядырь*; у него много денегъ: *акказы копъ*, а все: *акказы копъ кыжі бай аданып — ядырь*.

На козла, котораго, подкарауливъ, застрелить.

Пуля пусть пригодится.

На козла, пуля пусть пригодится: эликэ тоголок темір арашсын; его, подкарауливъ, застрелить, аны тозып адарзын, а все:

Тогып адар эликэ тоголокъ темір арашсын.

Обратимъ вниманіе на наши причастія и посмотримъ, какая разница въ нашемъ русскомъ сочиненіи и алтайскомъ. У насъ причастіе иногда только можетъ стоять предъ именемъ, какъ его определеніе, когда это имя есть его подлежащее, а въ противномъ случае необходимо употребить местоименъе относительное. Человекъ, читавшій книгу = человекъ, который читалъ; прочитанная книга = книга, которая прочитана. Но человекъ, у котораго украли лошадь, причастіе укравшій по-нашему ни какъ не можетъ быть определеніемъ слова человекъ, а по-алтайски можно сказать *аттынурлаган кыжі*, а лучше: *алтын урлаткан кыжі*. Надо всегда иметь въ виду въ алтайскомъ языке, что определеніемъ служить не одно только причастіе, а все предложеніе, заканчивающееся причастіемъ. По этой причине также причастіе действительное по-алтайски можетъ быть определеніемъ и действующаго лица и предмета действия, смотря потому, предъ какимъ понятіемъ оно полагается. Наприм., *йиген кыжі*, евшій человекъ; *йиген эт*, съеденное мясо. *Айтхан кыжі*, сказавшій человекъ, *айтхан сось*, сказанное слово (§§ 452—462 Грамматики Монгольско-Калмыцкаго языка Бобровникова, Казань, 1849 года приличны и Алтайскому языку).

Здесь еще замечу относительно последовательности временъ. У насъ времена въ русскомъ языке, въ главномъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ, большею частію, относятся къ моменту говорящаго; наприм.: когда я прочитаю книгу, отдамъ вамъ, — тотъ и другой глаголъ въ будущемъ времени. По-алтайски отношеніемъ къ времени говоренія определяется только время главнаго глагола, а подчиненныя определяются уже по отношенію къ главному глаголу, и потому здесь слово: *прочитаю*, надо поставить въ прошедшемъ времени причастія, ибо это действие будетъ уже окончено прежде, чемъ книга отдастся.

Подчиненныя дополнительные предложения большею частію (исключеніе выше сказано) сочиняются падежами. И могутъ они стоять во всякомъ падеже.

Во многихъ случаяхъ къ причастію его подлежащее можно обозначить притяжательной приставкой, которая въ предложеніяхъ определительныхъ ставится къ определяемому имени, а въ дополнительныхъ — къ самому причастію.

Для соединенія придаточныхъ предложеній есть вообще деепричастія.

Впрочемъ, въ переводе придаточныхъ предложеній съ рус-

скаго нельзя указать механическаго правила, а нужно следовать логическому отношенію ихъ и выражать это логическое отношеніе частицами подходящими.

Есть еще сочиненіе предложениіи посредствомъ глагола *деп*, соответствующаго татарскому *дїмяк*. Онъ замыкаетъ собой слово и употребляется для выраженія не только высказанныхъ словъ, но и задуманныхъ: желанія, опасенія, просьбы, надежды и т. под. При этомъ предложениіи надо давать такой именно видъ, какъ мыслить его самъ тотъ, кому оно приписывается. Напр., по-нашему: онъ сказалъ, что придетъ, а по-алтайски: онъ сказалъ: приду-де. Я боюсь, чтобы вы на это не осердились, а по-алтайски: осердиться, говоря, боюсь.— Такимъ образомъ здесь придется изменять лица глагола.

Кроме строго логической последовательности алтайскаго словосочетанія и словоизмененія, надо еще помнить, что алтайскій языкъ отличается конкретностью, т.-е. любитъ представлять вещи не отвлеченно, а въ ихъ целостномъ, натуральномъ положеніи, и о событіяхъ рассказываетъ, какъ они на самомъ деле происходили. Выражать отвлеченные обороты — не въ духе языка.

Изложивъ общій строй алтаиской речи, покажемъ и различія южнаго и сѣвернаго наречій. Южнымъ наречіемъ говорятъ: калмыки, телеуты и черневые татары, кочующіе близъ Телецкаго озера и тяготеющіе всемъ своимъ бытомъ къ калмыкамъ. Севернымъ наречіемъ говорятъ остальные черневые инородцы и кумандинцы. Впрочемъ, у всехъ племенъ, даже въ каждой волости, есть некоторыя особенности въ языке, но оне не значительны, такъ что знающему два главныхъ наречія можно свободно объясняться со всеми алтайскими инородцами.

Въ северномъ наречіи употребляется особенный звукъ *ч* (какъ-бы *чьж*).

Въ созвучіе буквы *о* полагается не *о* же, но *а*: *кол* — *колга*, *болар*, *болгам*.

Северное наречіе не терпитъ въ начале слова мягкихъ гласныхъ буквъ, прилагая къ нимъ букву *ч*: *чакші* вместо *якші*, *чараш* вм. *яраш*, *чок* вм. *йок*, *четы* вм. *йеты*.

Буквы *т* и *ч*, особенно стоящія въ начале слова, изменяются первая въ *ч*, а последняя — въ *ш*: *таш* вм. *чач*, *чілан* вм. *тілан* и проч.

Окончанія множеств. числа *дар* (*дэр*) въ северномъ наречіи не употребительны, заменяясь: *лар* (*лэр*): *тарам-жила*, не *тарамдар*, а *таламлар*.

Притяжательная приставка 2-го лица множеств. числа *гар* на севере не употребляется.

Глаголы въ сочетаніи съ глаголами-же вспомогательными въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія въ южномъ наречіи поставляются въ деепричастіи на *л*, а въ северномъ вспомогательный глаголъ, большею частію, приставляется прямо къ корню главнаго глагола.

Южное:	Съ верное:
Беру алып-ядым,	ал-чадым или чарым
Бываю болуп-ядым,	бол-чадым —
Знаю біліп-ядым,	біль-чадым —

Въ южномъ наречіи 3 лице наст. врем. изъявительнаго наклоненія оканчивается на *т*, а въ северномъ на *р*.

Въ северномъ наречіи вспомогательный глаголъ *турум* не употребителенъ; форма прошедшаго времени отъ причастія на *ган* употребляется только въ сокращеніи: *болгам*, *болгэбісэ*, причемъ второе лице единств. числа отличается отъ третьяго только носовою буквою *и*.

Окончанія втораго лица прошедш. и будущ. времени множ. числа не *сынар*, а *зар*, а въ третьемъ лице будущ. времени предъ *лар* (*лэр*) вставляется *зы*.

Повелительное наклоненіе на *гын*, *гаім* и *лы* въ северномъ наречіи не употребительно.

Многія однозначашія слова имеютъ разницу въ наречіяхъ южномъ и северномъ. Мы будемъ говорить о такихъ, которыя только искажены, напр.

Вечеръ	іныр,	іір,
Високъ	саамай,	санмый,
Гора	ту,	таг,
Грязь	балкаш,	балчак,
Больной	угру,	аггых,
Гибкій	ільчек,	эныльчек,
Жадный	ачырхак,	ачхарак,
Что	не,	но,
	и т. д.	

Представимъ совершенныя различія:

южное:		съ верное:
Бумага	кагас,	кат,
Беда	эткеръ,	урчук,
Весло	каік,	эшкы,

Вкусъ	амтан,	таамы,
Воздухъ	кей,	чіс,
Воръ	кадран,	чулгуш,
Вера	ян,	чозаг,
Гвоздь	кару,	поозух,
Глазъ	кость,	карак,
	<i>южное:</i>	<i>съ верное:</i>
Горсть	табаш,	саш,
Гробъ	межік,	чаян,
Грехъ	кылнчек, языкъ,	кыял,
Десна	пууле,	кургак,
Діаволь	курюмель,	айни,
Дядя	абагай,	таі,
Дятель	тонуртка,	алаш,
Жало	чагаак,	чіда,
Идолъ	чалу,	урекэнь,
Капля	тамчі,	шурлак,
Караульщикъ	сакчі,	кадачі,
Клеймо	тамга,	пюлгу,
Колокольчикъ	козо,	кондрачак.
Кольцо	кестук,	кубе,
Коль	казык,	куйле, урытэп.
Колено	тізе,	устук,
Кора	чобырга,	кагаш,
Коса	чалгы,	тулун (женская),
		шурьмеш (девичья),
Крюкъ	подого,	ыргак,
Кулакъ	пюдрукъ,	нузрук,
Ленъ	кендырь,	курюсте,
Лобъ	мандай,	кабак,
Ложка	калбак,	шабла,
Лестница	тэпкыш,	макыш,
Любовь	сқум,	куйлені,
Мать	эне,	іче,
Муравей	чымалы,	комысхаш,
Муха	чымын,	падат,
Место	орун,	черь,
Невеста	сыргалі,	колтугу,
Нитка	учук,	чіп,
Нога	пуд,	азак,
Ножницы	кайчі	коптэ,
Ноздря	тану,	бурну,
Нора	ічэнь,	ію,

Нось
Осина
Отець
Палець
Паукъ
Пашня
Перо

тумчук,
шабыр,
ада,
сабар,
йоргомьш,
кра,
юм,

бурду,
абсак,
аба,
падырбаш,
коргочак,
агыча,
чух, тюк,

кожное:

съ верное:

Пища
Плачь
Племя
Плечо
Подушка
Поле
Полено
Песня
Петухъ
Пята
Радость
Рубашка
Рукавица
Рукоятка
Рябина
Сало
Сестра
Скорлупа
Слуга
Следъ
Смерть
Спина
Старуха
Стволъ (растенія)
Стекло
Стогъ
Стрела
Стукъ
Сукъ
Тестъ
Тетка
Теща
Тьма
Товарищъ
Туча

теміш,
ій,
аймак,
іін,
ахта,
ялан,
чарчага,
кожон,
куштып-эркегы,
чоонок, чоончой,
сюгунюги,
чамча,
мелей,
туда,
пеле-агаш,
май,
сііні,
кабык, кайзырык,
кул,
ісь,
алдачі,
арка, сырт,
эбегень,
сын,
шілі,
обоо,
ок,
токулдаду.
пудак,
каін-ада,
эдже,
каін-эне,
карачхы, тюнерік,
некорь, эш,
тулгу,

чіш,
сыт,
тілю,
ушту,
частык,
чазы,
оок,
сарын,
танақ,
эчык, энъчік,
кулгу,
куйнек,
ільтә,
саб,
сейбе, ундреш,
чаг,
абчі, пече,
шірып,
чалчі,
чал,
улет,
уча,
урекәнъ,
уню,
чілтрак, кузене,
учунъ,
соган,
тонлак,
сала,
касты,
агальчак,
агыла,
попалай,
аргыш,
кезек,

У да
Умъ
Утка
Халатъ
Хлебъ
Цепь
Часть
Челюсть

кармак,
ой,
су-гуш,
капталъ, лабажак,
этпек,
кынді,
кеззік,
саныт,

лешь,
сагыш,
урьтек,
чайлык,
аш,
ільчербе,
умош, орыс,
іігы,

южное:

сп верное:

Чудо
Щенокъ
Щетина
Ябедникъ
Ягода
Яйцо
Ячмень
Бедный
Виноватый
Вкусный
Высокій
Гнилой
Голый
Голубой
Горбатый
Гордый
Дешевый
Женатый
Завистливый
Затхлый
Здоровый
Кривой
Крутой
Легкій
Ленивый
Лобезный
Медленный
Мутный
Нагой
Острый
Плотный
Порочный
Прежній
Редкій

кайху,
кучук,
ялага,
сайгакчі,
тішлек,
тімыртха,
арба,
йохту,
пурулу,
амтанду,
турумду,
чірік,
тас,
чанкыр,
пекчок,
томукай,
онгой,
кадытту,
куюнчек,
колонзухту,
сузак,
кылджір,
каір,
теньль,
ялку,
куурькуй,
саадамду,
тордолу,
яланчаш,
курч,
шідырыш,
пурулу,
озогы,
сандак,

обал,
унегеш,
шошка-тегу,
ужакчі,
чісьтэк,
нуртка,
салыч-аш,
чудэх,
ішты,
таамных,
мюузюк,
чізых,
чілаш,
кок,
шоргу,
улугуйлу,
альбек,
кыжілах,
артык-курьгуш,
похзых,
каазык,
сагыр,
пік,
нек,
аргас,
сюрюнух,
куужых,
палгашты,
чілаш,
чідых,
шійрах,
калыхты,
бурунгу,
саяк,

Скупой
Слабый
Спорый
Седой
Терпеливый
Трезвый
Удобный
Умный
Худой

Частый
Чуткий
Широкий
Ясный
Весь
Всякий
Целый
Бужу
Вью
Бегаю
Везу
Встречаю
Вынимаю
Вьючу
Верую
Дремлю
Желаю
Живу
Запираю
Кашляю
Кидаю
Крошу
Лгу
Люблю
Мараю
Молчу
Мучу
Оставляю
Отведываю
Пасу
Перестаю
Пишу
Плачу

кыйга,
поду,
армык,
пуулур,
чідын,
эрюль,
ыпту,
ойлу,
яман,

южное:

туус,
сак,
ялбак,
айтрак,
ончо,
ар-кэм,
пюкуль,
ойгозып,
согуп,
мантап,
тартып,
учуражып,
суруп,
коштоп,
яндап,
ургулэп,
куунчерып,
тюрюп,
чоодылап,
теодкүрюп,
мергедэп,
кертып,
тегуньдеп,
сюуп,
уймап,
унчукпай,
кыйнап,
таштап,
амзап,
күдюп,
урап,
бічп,
ійляп,

кемчі,
пош,
ухту,
кыр,
тюзюнюх,
сак,
келишкэнь,
сагышты,
чабал,

сп верное:

кою,
охулак,
кен,
аяс,
парчаы,
кайзі-да,
пар,
усхадып,
шаап,
чуурь,
апарь,
удюрелэп,
шагар,
чуктар,
санап,
сабыксып,
кычаланып,
чаат,
пехтэп,
чедыріп,
таштап,
туграп,
чуйляп,
куйленіп,
кырлендыр,
шімбол,
чаажіт,
артыс,
аатых,
кадар,
тохтоп,
паазып,
улгап,

Помню
Посылаю
Правлю
Прощаю
Пухну
Радуюсь
Ругаю
Смеюсь
Спасаю
Стригу

білініп,
ііп,
бошхарып,
божодып,
кооп,
сюгуноп,
сегуп,
кулюп,
аргалап,
кайчілап,

унап,
ыс,
тюзет,
таштап,
шігі,
уурюнюп,
тарып,
каткыр,
кадар,
коптылап,

южное:

сп верное:

Стучу
Сею
Таю
Теряю
Тороплюсь
Убиваю
Улыбаюсь
Унимаю
Устаю
Хочу
Цвету
Шучу
Еду
Больше
Вдали
Везде
Весьма
Вкось
Вместе
Внизъ
Вовсе
Вонъ
Вскоре
Высоко
Верно
Давно
Доколе, пока
Едва
Иногда
Исподволь
Какъ-нибудь
Лучше

токулдап,
эльгеп,
кайлып,
ойгултуп,
мендеп,
ольтуруп,
куюноп,
урадып,
чілап,
куунгеріп,
чечектеп,
кокурлап,
ойртуп,
эьту,
алыста,
кай-даа,
сюрекэй,
кыя,
кожо,
төмень,
эч, аірт,
тыжына,
удабай,
ээзь,
чікэ,
коптэ,
анынча,
арайла, турче,
качан-качан,
каран,
каніп-каніп,
алмак,

тонлад,
уренеп,
эріт,
чідар,
манзырап,
одурь,
зай,
кыс,
туржар,
санап,
альчай,
карбактанап,
бар,
коб-іле,
Аракта,
парчан-черьдэ,
куш,
сейок,
бірьгэ,
тюберэ,
пажіба,
шагар,
ултам,
мююзюк,
шодюш,
урьдэ,
кая-тюунче,
чуть-челе,
бірь-бірьдэ,
куйчугэнь,
кайт-кайт-чарьпъ;
артык,

Маленько
Назадъ, обратно
Наоборотъ
Нарочно
Немного
Ни-то ни-се
Несколько
Редко
Тихо
То-есть
Чадно

эбешкыне,
ойто,
тэскері,
өнеттын,
азулак,
алынкылу,
анга-мынча,
сандахта,
аяар,
не-тэгэжін,
куюрту,

кычегэш,
нандра,
айляндра,
тегунь,
копъ-чок,
тыгыбо-пебе,
ады-эрі,
ман-заін-эбесь,
чобаш,
ол-анда,
сыс,

Что-нибудь
Близъ, вплоть
Будто
Противу
Сзади

южное:
неэны-неэны,
кнай,
дай, тай,
утхары,
кїнда,

съ верное:
берь-берь,
кыйгында,
пья-гыла,
удре,
соомнам,

Названія месяцевъ.

Январь — *тегунь-ай кычі кырлаш*. Этотъ месяцъ называется безстыжимъ, потому что много посылаетъ морозовъ, хотя и не большихъ. Въ этомъ месяце солнце поднимается на горизонте въ ростъ человека — *кыжінын бозу кошучьяр*. День прибываетъ на веревку, которою треножатъ коней — *кыжень-тызгі*.

Февраль — *чен-ай, чель-ай*. Это — ветренный месяцъ. Солнце поднимается на горизонте въ ростъ человека на коне — *атту кыжі-боінча кожулар*. Годъ переменяется; 7 дней ветренныхъ. День прибываетъ съ арканъ.

Мартъ — *курюк-ай, ажїх-ай*. Годъ переваливается. *Эгры агаш-та кар чукпас*, съ наклонной лесины (подтаянный) снегъ спадаетъ. День прибываетъ на 6 аркановъ — *алты аргамчі-боі*.

Апрель — *ын-наамык, тарыг-ай*. Земля готовится къ посеву. *Тар* — рою, копаю абыломъ. Солнце взойдетъ на ровное место — *кунь така шїхпарчар*. Этотъ месяцъ называется еще *курюг-ай*, бурундучій месяцъ. Бурундукъ выходитъ изъ норы, *курюк шїхчар*.

Май — *коог-ай, песь-ай*. Кандычный месяцъ, потому что въ это время вырываютъ кандыкъ.

Іюнь — *тїду яйляг-ай, ода-ай*. Хлебъ полоть. *Од* — плевелы, сорная трава, *от-чадым* — полю, сорную траву выдергиваю. На

инородческихъ небольшихъ пашняхъ-копанцахъ, действительно, нетъ ни одной посторонней травки; что только посеяно, то и растеть.

Іюль — *од-ай, улуй-ай*. Это — большой мѣсяць съ долгими днями.

Августъ — *бічень чабаттан-ай, атпышчан-ай*. Сено косить, и хлебъ поспеваеть. День убываетъ съ дверную накладку (для запора).

Сентябрь — *сыгын-ай, араг-ай*. Промышлять мораловъ и пролагать тропу (*ора*) къ пашнямъ для жнива.

Октябрь — *чан-ай, уртьюнь-ай*. Промышлять зверей по пороше (*чай*) и хлебъ молотить: *уртьюнь-гумно*.

Ноябрь — *кычі кырлач, куртьяг-ай*. Старушечій мѣсяць. День такъ коротокъ, что старуха едва успееть обуться — *куртьяк эдук кэшчар кізрь*.

Декабрь — *улу кырлач, улу кырлаш*. Большой морозъ. Онъ, впрочемъ, знаетъ стыдъ и пускаеть только три мороза. Солнце поднимается по-колѣно. День прибудеть на промежутокъ времени отъ одного удара кузнеца молотомъ до другаго — *успасыны*.

Верованія.

По общему верованію алтайцевъ два начала управляютъ міромъ: доброе — *Ульгень* и злое — *Эрликъ*. Обоимъ имъ подчинено множество духовъ, первому чистыхъ (*ару неме*), последнему — нечистыхъ (*кара неме*).

Ульгень столь добръ и милостивъ, что не способенъ сделать что-нибудь непріятное для человека. Онъ добръ до слабости. Эрликъ, напротивъ, столь золь, что не можетъ не злодействовать, а только отлагаетъ иногда на время враждебныя свои дѣйствія на человека. Средства для выраженія почтенія доброму началу и для умилоствленія, или какъ-бы задобренія злаго начала есть жертва. Жертвы разделяются на кровавыя и простыя. Къ первой принадлежатъ закланіе и съеденіе животныхъ, ко второму — обильное приготовленіе и распитіе особенной браги. Кроме главныхъ силъ честятъ жертвами множество другихъ, подчиненныхъ Ульгеню духовъ чистыхъ (*ак неме*) и подчиненныхъ Эрлику (*кара неме*), тоже какъ боговъ, но гораздо меньшихъ. Не довольствуясь этимъ, они поклоняются еще солнцу и луне, горамъ, озерамъ и рекамъ, чтя жертвами духовъ ихъ обладателей, или хозяевъ (*ээлі*), на основаніи того преданія, что при разгроме и сверженіи Эрлика и его слугъ, каждый изъ нихъ на что упалъ, тому и хозяинъ сталъ, получивъ силу и право всячески вредить человеку и даже умерщвлять его въ своей области. На всякой высокой горе набрасываютъ груды камней и втыкають въ нихъ палки съ подвязками

тряпокъ и конскихъ волосъ, въ признательность горе за то, что она позволяетъ подниматься на ея высоту. Кроме многочисленности этихъ общихъ боговъ, каждый родъ (*сеок*) имеетъ еще своего собственнаго, фамильнаго и каждая семья — пената юрты *баштут-хана*. Понятно, въ какомъ постоянномъ смущеніи и страхе долженъ находиться духъ и умъ несчастныхъ людей этихъ, окруженныхъ со всехъ сторонъ, во всемъ, божествами злыми, коварными и враждебными, требующими постоянно умиловителныхъ, кровавыхъ и раззорительныхъ жертвъ.

Для олицетворенія божествъ делаются идолы деревянные (*куръмѣжек* у телеутовъ и кумандинцевъ, берестяные и кожаные у калмыковъ) и куклы изъ тряпокъ (*катеринки* у телеутовъ и северныхъ алтайцевъ), ставятся предъ юртою две березы и между ними нить съ подвесками (см. жилища) — *ялама*, березки по числу людей — *само*; намалевываютъ на плитахъ, врытыхъ однимъ концемъ въ землю, изображеніе.

Ульгеню приносятъ жертву редко, потому что онъ и безъ того добръ. Впрочемъ, каждый взрослый человекъ, по вступленіи въ супружество, обязанъ принести жертву (*іік*) — коня светлой масти, а особенно онъ любитъ каурыхъ. Отсуленная въ жертву Ульгеню лошадь пользуется особеннымъ уваженіемъ: къ гриве ея привязывается красная лента, и женщинамъ садиться на нее не дозволено. Время приношенія жертвы преимущественно весна, когда можно приготовить *абыртку*. Место приношенія жертвы — березовый лесъ. Участіе въ этомъ празднике могутъ иметь одни мужчины, равно и шаманъ долженъ быть мужчина. Есть-же и пить идоложертвенное могутъ и женщины, но въ такомъ порядке: девицы на самомъ месте, где была принесена жертва, женщины не ближе 50 саж.

Эрлику, какъ злему псу, то и дело приносится жертва, при всякомъ его нападеніи. Ему идетъ в жертву всякая скотина, а за наименіемъ никакой — брага. Местомъ шаманства служить юрта, дворъ или могила, — словомъ, где происходило несчастіе.

Кануну (*курюмесъ* разной шерсти: *ары*, *сары* и *кара*) для жертвы сеется ячмень въ месте скрытномъ, где никто не ходитъ, изъ которого и готовится брага.

Ульгэнь съ *Эрликомъ* находятся въ связи, въ соотношеніи, и передаютъ судъ одинъ другому. По выраженію алтайцевъ: «*Эрлик-біле Ульгэнь яныс эжікту*» Эрликъ съ Ульгэнемъ имеютъ одне двери. Ульгэнь, ожидая и долго не получая требуемой жертвы, а между темъ самъ, по своей благости, не будучи въ состояніи наказать, извещаетъ Эрлика, чтобы онъ наказалъ не исполнительнаго человека, и тогда этотъ послѣдній вдвойне долженъ платить дань, т. е. умиловитъ жертвами

Эрлика и потомъ исполнить требованіе Ульгэня. Эрликъ, получивъ вѣсть отъ Ульгэня, приказываетъ распорядиться союзнику Ульгэня — *Кагыр-хану* (*кагырьш-харкакъ*), который имеетъ власть надъ каждою курткою, за что и чествуетъ *брызганьемъ* прежде всехъ, когда пьютъ вино. *Кагыр-хан* передаетъ непочтительнаго человека въ лапы той силе, какой ему заблагоразсудится: когда человекъ получаетъ наказаніе, но не исправляется, тогда наказаніе за наказаніемъ слѣдуютъ до самой смерти.

Если-же принесетъ онъ положенную жертву Ульгэню, тогда долженъ принести дары за хлопоты Эрлику и Кагыр-хану. Когда все будутъ удовлетворены, тогда *Кагыр* (слуга Эрлика, старшій по немъ надъ всеми темными силами), посылаетъ своихъ слугъ, чтобы прекратить враждебныя дѣйствія на человека, о какомъ распоряженіи Эрликъ поставляетъ въ известность и Ульгэня.

Посредникъ между богами и человекомъ — распорядитель при жертвоприношеніяхъ, гадатель, колдунъ и вместе врагъ — *камъ* или *шаманъ*. Онъ, по общему уверенію инородцевъ, никогда не принимаетъ этой должности добровольно: напротивъ того, естественно противится волею и умомъ принятію, но это родъ инкубаціи, которая съ детства получается отъ родителей, по наследству, какъ болезнь. *Тесь базын-ят* — предокъ (т. е. духъ его) наступаетъ, нападаетъ, давитъ. Потомокъ, испытавъ періодическое нападеніе въ продолженіе несколькихъ сутокъ или недель и зачуявъ оное, скрепляется, чтобы не делать того, къ чему побуждается; въ свободное отъ припадковъ время не ходитъ туда, где камлаютъ, не делаетъ бубна и другихъ принадлежностей и произвольныхъ дѣйствій, свойственныхъ каму. И такимъ образомъ можетъ иногда отбиться отъ должности, которая по милости предка падаетъ на него. Но это отбиванье дорого стоитъ: избираемый делается отъ того или вовсе безумнымъ, или уродомъ, или замучивается и умираетъ, хотя и съ победными словами: *«электілі пузулган»* — дѣйствіе (*тестя*) раззорилось, испортилось.

Дѣйствія же злаго духа, заставляющаго человека или сделаться новымъ камомъ, или камлатъ стараго — являються въ слѣдующихъ припадкахъ: позевота (*эстеду*), дикій крикъ (*кыйгырту*), беганье, подобно вихрю, вокругъ (*куйбу*, *куйбулану*), судороги глазъ, рта, рукъ и проч. членовъ, кровь носомъ и ртомъ, падучая болезнь, произвольное и безсознательное глотаніе железныхъ вещей: ножей и даже топоровъ, которые и выходятъ чрезъ долгое время уже на дѣйствіяхъ камланья, причѣмъ идетъ кровь изъ рта, а вещи выходятъ оттуда сухими; если-же въ крови, то это не добрый знакъ для хозяина вещи.

— Что-же все это? Болезнь, сумасшествіе или шарлатанство? Ни то, ни другое и не третье, а вотъ что: «добрые Ангелы посылают охранять людей и славословить Творца всяческихъ; но что делаютъ духи злые? Они, какъ существа безтелесныя и разумныя, не могутъ оставаться въ праздности. Если-же необходимо полагать въ нихъ стремленіе къ деятельности, то, какъ злымъ, имъ естественно стремиться къ злу. На кого простираютъ они свою злость? Матеріальная природа къ враждебнымъ ихъ действиямъ не чувствительна, — следовательно, поприще злобной ихъ деятельности — родъ человеческій. Они живутъ въ мире между людьми, какъ львы въ пустыни, и, какъ разбойники, стараются всячески вредить людямъ своими кознями. Непосредственныя нападенія злыхъ духовъ проявляются въ нашихъ мысляхъ, желаніяхъ и действияхъ. Если мы трезвенны и бодрствуемъ, то боремся съ ними, и при помощи Божіей, силою крестною, прогоняемъ ихъ. Но чемъ можетъ отбиться отъ нихъ человекъ не крещеный и, следовательно, вполне подъ ихъ вліяніемъ находящійся?» (См. «Странникъ», 1866 г. Окт.).

Кроме шамана или кама, алтайскія пиѳи разделяются: 1) на *рымчі*, имеющій припадокъ, въ которомъ, при ужасныхъ мученіяхъ, видитъ сокровенное и предсказываетъ; 2) *тельгочі* — гадатель; 3) *ярымчі*, ворожащій по сожженной лопатке (кость); 4) *кол* — *курэчі* по рукамъ узнающій и 5) *ядачі* — человекъ, управляющій погодою посредствомъ камня (*яда-таш*), который попадаетъ весьма редко въ такихъ утесахъ, где всегда бываетъ ветеръ. Чтобы получить этотъ волшебный камень, *ядачі* заклинается всемъ своимъ именемъ и отдаетъ за него весь свой животъ. И потому онъ бываетъ человекомъ беднымъ, бездетнымъ и скоро овдовевшимъ. Для произведенія ведра, камень держится въ сухомъ горячемъ месте, или подъ мышцей плечной; для произведенія ветра — держать на открытомъ воздухе; для произведенія севернаго холоднаго ветра, напр., для того, чтобы конь въ жаркій день не потелъ — привязать камень къ гриве коня; для произведенія ненастья — держать камень въ холодной воде сутки. Если *яда-таш* ослабеваетъ въ своей силе, тогда *ядачі* одушевляетъ его (*тандып-ядырь*), влагая въ распоротое брюхо живой какой-либо птицы или животнаго.

Но возвратимся къ *каму* и его служенію. Орудія, посредствомъ которыхъ вызываются духи, — бубень (*тюнгурь*) *чалу* и *орбу*. Бубны величиною бываютъ отъ 11—16 верш. въ диаметре и состоятъ изъ круга, обтянутаго съ одной стороны моральей кожей, внутри коего отъ одного края до другаго проходитъ чрезъ центръ палка или ручка, оканчивающаяся на

одномъ концѣ иногда рожей съ пуговицами вместо глазъ. Ручка эта немного ниже рожи пересекается железнымъ прутомъ, на которомъ справа привешены 4 железца — побрякушки, а слева 5, въ срединѣ железокъ несколько тряпокъ, на подобіе лентъ. На наружной сторонѣ кожи намалевано красной охрой или вапой: вверху — небо, радуга, солнце, месяцъ, звезды, сомо, кони, гусь, камъ на конѣ, а внизу — земля. *Орба* — деревянная изъ таволги колотушка, обтянутая войлокомъ и звериной кожей, шерстью вверхъ: соболемъ, горностаемъ или зайцемъ. На одномъ концѣ ея навешено несколько засаленныхъ узкихъ тряпокъ, пробойцевъ съ железными колечками или цепочками.

Жертвоприношеніе каждому духу разнится одно отъ другаго своими приемами и продолжительностію действий кама. Самое продолжительное камланье Ульгэню. Оно состоитъ изъ трехъ действий. Вечеромъ, по захожденіи солнца, начинается первое действие предуготовительное, состоящее въ выборе места для камланья, избраніи жертвы и ея мученіи. Именно ставится новая юрта — *сеольты*, покрывается войлоками и коврами. Среди юрты ставится свежая зеленая береза, около 4 верш. въ комле, вершина которой высовывается сквозь остроконечную верхушку юрты. Сучья на березѣ снизу обрублены, а на верху оставлены въ видѣ метелки, къ которой привязывается кусокъ полотна, вместо знамени. На березѣ вырублено 9 зарубокъ — это ступеньки (*талты*). Нарочно устраиваемая эта юрта бываетъ больше и выше обыкновенныхъ юртъ и дверь обращена къ востоку. Впереди ея делается изъ бересты круглое гнездо, изображающее скотскій пригонъ, вышиною и шириною въ $\frac{1}{2}$ арш.; одна сторона гнезда, къ двери, остается полая, на подобіе воротъ, въ которыя ставится силокъ изъ березовой палочки съ петлею конскихъ волосъ на концѣ. Далее избирается жертва изъ несколькихъ экземпляровъ лошадей светлой масти такъ: на спину лошади ставится чашка; лошадь подгоняютъ, чашка падаетъ. Если чашка упадетъ вверхъ дномъ, значитъ, лошадь въ жертву не годна. Если въ жертву предназначается кобыла, то чашку камъ вымываетъ собственнымъ ея (кобылы) молокомъ, съ приговоромъ:

Слергэ ярап он козингэн корюп,
Турган болзын,
Алк болго менен
Алча болго слердэн,
Алтых бельгын берш-көрзын.

Избранную жертву даютъ держать за чумбуръ (длинный поводъ) тоже человеку избранному, называющемуся на этотъ случай *Баштут-хан-кыжі*. Кам машетъ березовымъ прутикомъ

надъ лошадыю. Это означаетъ то, что онъ отправляетъ душу животнаго къ Ульгэню напередъ и съ проводникомъ, держащимъ за чумбуръ.

Потомъ камъ, одевшись въ свою форму — калать съ нагрудникомъ изъ звериной кожи и красную шапку съ белыми перьями изъ хвоста тетери, — вооружается бубномъ и орбок, и при сильныхъ ударахъ въ бубень начинаетъ призываніе въ известныхъ стихахъ множества духовъ, сначала подчиненныхъ Ульгэню, а потомъ Эрлика съ его темными силами:

1) Керьгыдаю.

Ярдым пасман яш пулут,
Ярдым паза, келінгэр,
Ііным пасхан эль улуза,
Ііным паза келінгэр.
Тенгере углы, тэн сару,
Ульгень углы *Керьгыдай!*
Караганда, көзім-дый,
Кармалаза, колум-кан
Сюрдэгежін аягым-дый;
Сюрнюкежію туйгачым-дый.
Орбы кагар он колум.
Он яныма кулэп-кель!

Призываемый языкомъ-же призывающаго откликается: *ао, кам, ай!* После ответа камъ, подставляя бубень, принимаетъ въ него духа.

2) Кан-Каршіту.

Сары камыш таякту
Сары куга мінетту,
Сары тібек тіськынду,
Сары кылдію тон кійгэнь,
Ульгэнь кааинын *Кан-Каршіт!*
Орбу кагар он колума,
Алтын туга ойноп-кель!

Ответъ: *ао, кам, ай!*

3) Кызы-гану.

Кызыл пуура мінетту
Кызыл тібек тескінду.
Кызыл солонго таякту
Атам Кызы-ган-тенгере!

Орбу кагар колума
Он яныма кулэп-кель.

4) Мерьгэнь-хану.

Аалба куурть юрукту,
Аалба яшхын оінду
Куську пулут кузюрту,
Ясхы пулут яжінду.
Куурт шагырт аякту.
Ада Мерьгэнь — хан!
Орбу кагыр колума
Он янымы кулэп-кель!

Ответы Кызым-гана и Мерьгэнь-хана: *ао, кам, ай!*

После подобныхъ призываний камъ выходитъ изъ юрты, садится на чучелу, изображающую *гуся*, и представляетъ себя летящимъ на высоту, распевая:

Аг аястын алды-былан,
Ак пулуттын устю-біле.
Ког аястын алды-была
Кок пулуттын устю-біле

Тенгере пужин тартып — отур.

Гусь отвечает: «ынгай гак, гак, ынгай гак, кай-гак гак, кай-гай-гак!».

Алтын чедэнь сугунгар,
•Ынгай...
Алтын урук тундунгар,
•Ынгай...
Алтын уйгэнь сугунчар,
•Ынгай...
Айлк эрьдэнь курюнэр,
•Ынгай...
Сють ак косьдон курюнэр,
•Ынгай...
Куньдук эрьдэн курюнэр,
•Ынгай...
Сюрю тудан эмит тартхан болбозык,
•Ынгай...
Сють-ак косьдон сугат тартхан болбозын!
Ынгай гак, гак, ынгай гак
•Кайгак гак, кай гак гак!»

Жертва — *пура* начинаетъ ржать: *мьаяк, мьак, мьяк*. Камъ, сидя на гусе, съ призванной силой гонитъ жертву, спускаетъ

внизъ (съ высоты, на которой не былъ), бегаешь вокругъ сеолты, какъ-бы загоняя коня. Зрители тоже пособляютъ ему ловить невидимаго коня и вместе съ камомъ кричатъ: «хай-хай, ай-ай, гай-гай», и такимъ образомъ вгоняетъ невидимку въ юрту, прямо въ скотный дворъ, где невидимый же караульщикъ — *пура-сакчи* съ силкомъ.

Камъ кричитъ ему:

Алтын урук сугунгар,
Хай, хай, хай.
Чалмачілар чалма — была
Хай, хай, хай!
Алтын нохто сугунгар
Хай, хай, хай!

И потомъ, вбежавъ въ юрту, мгновенно бросаетъ черезъ левое плечо левой рукой бубень, держа въ правой орбу, и левую-же руку мгновенно впускаетъ въ силокъ. Это, значитъ, конь пойманъ. Камъ начинаетъ подражать голосомъ коню, у котораго шея сдавлена арканомъ, прыгаетъ, лягается и проч. Брошенный имъ бубень схватывается на воздухе кемъ-либо изъ близъ-стоящихъ. Если-же бубень уронять на землю, это значитъ *пура* (жертва) сорвалась и убежала. Въ такомъ случае камъ снова загоняетъ ее въ юрту и отдаетъ приказаніе своимъ слугамъ и особенно *пура-сакчи*, коему сдаетъ на руки *пуру*, говоря:

Алтын ээръ, ээръ тэнгэр,
Алтын куюмнак сугунгар,
Алтын колон тартынгар.

После этихъ приказаній, подастъ каму веточку *аржана* (вересъ), которымъ онъ окуриваетъ *пуру*, приговаривая:

Алас, алас, алас кубат,
Ульгэнь кааннын ап-ала.
Аг Ульгэнін чін алас,

и отпускаетъ гуся со словами:

Сюрю туудан теміт-ал,
Сют-ак кольдон сугат тарт,
Кас энезі кангылым,
Кум энезі Кургай-хан,
Эль энезі Энкэй-хан.
Эль эрінэ түрс-кхал,
Кый гырганда э-тэгэр,

И, приподнявъ бубень, сильно ударяетъ орбой. Это значитъ, что гусь вспорхнулъ и улетелъ.

Потомъ камъ, съ помощію народа, ведетъ коня (видимаго уже) въ уединенное место, говоря:

Тебемъ-была кудюрюп-ядым,
Эки ійным-быля шідэп-ядым.
Сені-деп, берін-ядым.
Алкай-тушкан ак байшан,
Аіл-бере аялап-чік,
Тогус катха мделіп чік,
Ак чадырга ойной тюш,
Ульгэнь адама тула тюш.
Он колуна яяла тюш,
Он кузюннэн кур-ал,
Он яргыны бере-ал.

Чек.

После этого одни замучиваютъ здесь несчастное животное, обреченное въ жертву, а другіе делаютъ *таскак* (жертвенникъ). Это 4 березовыхъ столба, около 4 вершк. въ діаметре, вышиною около 5 арш., одинъ отъ другаго въ квадратномъ отношеніи, каждая сторона арш. $2\frac{1}{2}$.

Самый процессъ мучительства лошади отвратителенъ и заключается въ следующемъ: поставивъ лошадь головою къ востоку, завязываютъ рыло веревкой, къ каждой ноге также привязываютъ по веревке и, положивъ на спину толстую жердь, растягиваютъ ноги на две стороны, придавливая жердь къ земле, и такимъ образомъ ломаютъ спину. Все отверстія животнаго затыкаютъ травой, чтобъ кровь изъ него не вышла. Когда лошадь долго бьется, камъ беретъ булку (*куруй*), у калмыковъ — чашку и, поднося къ лошади, говоритъ: «*куруйляп-ят. куруйляп-ят. оп куруй, оп куруй, оп куруй*». Это значитъ: буду ловить счастье, или останую силу, выходящую съ жизнью, на приплодъ. Булку эту съедаетъ хозяинъ самъ и весьма дорожитъ ею, такъ что, кроме своихъ семейныхъ, ни кому ее не отдаетъ. Съ замученной такимъ безчеловечнымъ образомъ лошади снимаютъ кожу, оставивъ оную на ногахъ отъ коленъ до копытъ и на голове, языкъ выдергиваютъ. Кожа съ головой и ногами называется *байдара*. Ее надеваютъ на березовую жердь — *тюкеле*, длиною отъ 12—16 арш., толщины въ комле около 5 вершк. Заостривъ тонкій конецъ ея, просовываютъ его между ногъ и въ голову. Близъ *таскака* (жертвенникъ), на западной стороне, поставленъ березовый столбъ, толщ. отъ 4 до 5 вершк., съ развилкой на верху, вышиною около $5\frac{1}{2}$ арш., на которую кладется верхній конецъ *тюкеле* съ *байдарою*, головою на востокъ — *Ульгэню*, на запад — *Эрлику*, а нижний конецъ утверждается въ земле такъ, чтобы *байдара*

висела надъ таскакомъ. По окончаніи съ байдарою, мясо разрезаютъ на мелкія части, разбирая по суставамъ и не ломая костей. Выбравъ кости, задъ отсекаютъ, это часть самая лучшая — *уча*. Грудину безъ спины снимаютъ съ ребрами — *сабар*. Для разобранія и разреза избираютъ знатока въ этомъ роде. Обрезанную съ костей мякоть делятъ всею — сырую Уделы эти называются: *тебе* — верхушка. *Уча*, *сабар* и мелкія кости варятся въ большомъ котле, въ воде, безъ постороннихъ веществъ. Двое поворовъ, избираемыхъ на этотъ случай, называются *казанчі*. Они вооружены длинными копьями въ 1 вершокъ толщины: это вилки — *эдуш*. Кроме *казанчі* къ котлу никто приступать не долженъ. Когда идоложертвенное сварится, делаютъ изъ березовыхъ прутьевъ, въ 3 арш. длины и 1¹/₂ арш. ширины, *шіре*, постилая на земле эти прутья комлями къ краямъ, а ветвями въ середину, сжимая комли въ двухъ связанныхъ палкахъ. *Казанчі* вытаскиваютъ конину *эдушемъ*, кладутъ на *шіре* и разрезаютъ въ куски. Тогда камъ беретъ чашку — *чачіл-аяк*, кладетъ въ нее мясо и жидкости *эрюсь*, подходит къ *теле*, становится лицомъ къ востоку и, черпая ложкою *эрюсь*, брызжетъ ею пенатовъ юрты начиная съ *Баштут-хана*, говоря: 1) отъ своего лица:

Чо-ок! Айдын болзо, аруда чок!

Кяныкн болзо ярхында,

Эськы ілам чіхканда,

Яны ілам кыргэньдэ,

Тілым бажі айляганда

Чок!

Кунгурмалу, конур кусьтэ

Чок!

Комургай бажі шужалганда

Чок!

Аяктын болзо тоолузына

Чок!

Аштын болзо урьскнэ

Чок!

Мна! *Кайра-хан!*

2) отъ лица хозяина:

Эськы ілы чіхканда

Чок!

Яны ілы кыргэньдэ,

Чок!

Эки іні — біле темдеды

Чок!

Пірь тебезі — біле кудюрды
 Чок!
 Экы ііні — біле темдебезы
 Чок!
 Терь тебезі — біле кудюръ безе
 Чок!
 Куньдюгэ болзын кыялы
 Чок!
 Кудюръгэні этпезе уудылга болзын кыялы
 Чок!
 Мна! Кайра-хан!

Потомъ камъ прибавляетъ отъ себя: «Чок! Мна! Атам-пырхан тенгере каанга!» Далее камъ подчуетъ оставшейся въ чашке кониной хозяина, самъ немного есть, потомъ предлагаетъ родственникамъ хозяина. Когда чашка опорожнится, камъ, махая ея кругообразно, бросаетъ вверхъ чрезъ теле со словами:

Агаш аяк аймадый
 Аяк алчазы адам пырхан тенгереній
 Чоочій аяк куньдудый
 Чоог алчазы адам пырхан тенгереды
 Ау-у!

Если чашка упадетъ вверхъ дномъ, это знакъ худой: или будетъ покойникъ въ юрте хозяина, или жертва не по вкусу Ульгэню, но ее уже не переменяютъ.

Впродолженіе брызганія — чествованія пенатовъ несколько человекъ держать *шіре* съ кониной на рукахъ. Хозяинъ беретъ лучшую часть (*уча*) и подноситъ ее въ даръ каму, который, принявъ, обрезаываетъ мякоть, но не всю и даритъ, кому захочетъ изъ почетныхъ людей. Тотъ, отрезавъ себе, передаетъ другому, обыкновенно старшему себя родственнику или чужому, который, отрезавъ себе, отдаетъ остальное всемъ находящимся, и тутъ же окончательно очищаютъ кости *уча*, не повреждая ихъ. Грудину (*тюш*), также целую, хозяинъ подноситъ первому почетному человеку, тотъ, покушавъ, передаетъ другому, а сей третьему, и т. обр. почетная передача кончается; остальное мясо на *тюш* очищаетъ, кто захочетъ. Съ прочихъ костей, срезавъ мякоть, уносятъ въ *сеольты*, где будутъ камлатъ еще два вечера. Хозяинъ юрты, изрезавъ мякоть на мелкія части и положивъ на блюдо, даетъ родственникамъ по кусочку своею рукою прямо въ ротъ. Кусочки эти называются *паянын улежі*. Они отсылаются и къ отсутствующимъ, и кладутся посланникомъ также прямо въ ротъ по назначенію посланшаго. Мякоть съ *уча* и *тюш* дается и на долю *казанчі*, которые, взявъ часть съ собою, делятся ея

съ домашними. Только кости остаются все въ целости . месте
и, по очищеніи, безъ поврежденія складываются ш: рс,
которое полагается на таскак, покрывается хворостомъ вместе
съ байдарою предоставляется гніенію.

Чок! Мна кабра-как,
Алты эрькошку ак ягалым ээзі!
Эрь алдыма кулэп-келигэр!
Чок тэгэньгэ чогынгэр,
Ме тэгэньгэ меэньгэр.

Потомъ призываетъ хозяина огня — от-ээзі:

Чок! Мна кабра-как.
Отус башту от энем,
Крык башку кыс энем
Чок тэгэньгэ чогуногэр.
Ме тэгэньгэ меэнгэр.

Во время призванія камъ держитъ чашку въ обѣихъ
рукахъ, представляетъ шумъ собирающейся силы (черю) и,
изрезавъ конину на куски, отдаетъ народу, который, вместо
призванныхъ невидимыхъ гостей, съ видимою жадностью пое-
даетъ мясо.

После этого камъ, отдохнувъ немного, развешиваетъ впер-
еди сеолты на веревку 9 одеждъ бумажныхъ, шелковыхъ
и суконныхъ (толу ілп-яш). Это дары Ульгэно, которые
окуриваются аржаномъ съ произношеніемъ:

Ат кудюръбесь эзре толу.
Алас! Алас!
Эрь кудюръбесь эзре толу
Уч якалу ар тоолу
У айляна кырыгер
Аргымагына яабу болзын
Алас, алас!
Алас кубат Ульгэнь канным
От алас!

Доселе камъ действовалъ безъ бубна, а теперь беретъ его,
сушитъ для звонкости на огне, надеваетъ свой нарядъ и молча
куритъ аржаномъ. После курева садится на стульчикъ и начи-
наетъ постукивать орбокъ въ бубенъ, снова созывая силу, какъ
и накануне, и при отзвахъ: «ао, кам, ай», прискакиваетъ,
ударяя сильно снизу въ приподнятый и низвращенный бубенъ.
Это пріемъ пришедшаго званнаго. Къ прежнимъ духамъ призы-
ваются новые духи съ приветствіями:

1) Яік-хану (Царь корабля)

Тогус карыш кәдігәлкә кан торуш,
Ульгәнә угры кан эчигә,
Учу әлкә бий яік,
Чагын ділак камчїлу
Чаал — кәикә турлулу
Кызыл пулут кукюлу,
Яжїл пулут якалу
Яжїл солоно камчїлу
Яжїл поро кольголу
Яш кураган тәпшїлу
Бала меркуп эәчїнылкә,
Бала кәин шокшулу.
Башха шурган паянам,
Бакшїлаган яямїч,
Колунан плаатпа.
Койнонан сууртпа.
Уйрбюлерїн уркутпе
Уч сыранык пек-яя
Корболорын коркутпа,
Толокойго топшїлдын
Тон ядынан пек-яя.

2) Кайра-хану.

Кара аргымак мїнїтьту
Кара аракысугатту.
Эрьтенә кечтә йорукту
Югусь ханын уренї
Ярка ханын эәнї
Он бозого арту-хан
Сол бозого ядулу бий
Кушту атам Кайра-хан!

3) Яныс — конеку.

Ябыс атам, япсал атам,
Ябыс тюрьгәнә пайзын-хан,
Суудан карай чїрайлкә
Су тегульбесь терголу
Копшог алган яакту
Кого болгон сынду.

4) Ябыр-хану.

Яныс атам Ябыр-хану
Ажїра курьгон каракту бий

Тескері курьгон каракту-хан,
Эрдэн уур сынду-кан,
Ялбак керек тежокту хан
Кара керек ястыкту хан.
Кууректерю яжірган хан
Эміндерін эрь чійгәнъ,
Ушту пашту кара чедень
Кара кәгісь әжікту хан,
Кәрь тайган сакчллу как
Тәгінъ эрдэн пу чіхкан,
Полгон эрдэн унь чіхкан
Тескері тынган сыры межік,
Уудулышхан яш трубей
Яш баладый мандулган,
Яш кучуктый тарчлган,
Кадылчактый кара таш,
Колешкызі-йок кара куій,
Тюбі терен кара су
Камынып чіхпас кара яр
Айлянышхан кара казан
Тюбі терен кара курюп
Сай-сеок сайляган эрь,
Куу сеок куталган эрь,
Эрь яхшігын йоботхон эрь,
Әдекту яхші әньдельгәнъ,
Алыптын болзо өдерпъ аглан,
Арудын болзо чачю кескенъ эрь,
Он әшты каннын ою эрь
Тібірьгі табырт тюшкәнъ эрь
Тогус оду салган эрь
Тогус сельменьчк тепкәнъ эрь,
Кан арказы кара ту,
Тебілшкәнъ сыр артхы,
Талбыраган куру онко
Талган кыжі кәпту бій,
Уньденішкенъ куру когусь
Эрткәнъ кыжі чірайлу кан,
Экы лозі чагылган,
Экы әмчегы кара ту,
Арха чачю шрь бакча,
Кажа каәту алгадындар,
Салып ійгәнъ салынты,
Цб ійгәнъ цньты,
Кара комжурь темітьту,

Кара куюк сугатту,
Уузы каяду кыстыр-хан
Эркын турган тиндыр-хан,
Кабылчикту кара коль,
Кара крїпә тюшкәнә эрь,
Тебильчїхту сары коль,
Сары крїп тюшкәнә эрь,
Тескері кахкан кара суккорь,
Мїзю-йок кара тунгурь,
Уэзю-йок кара куяк,
Ябылышхан кара кәпь,
Ік пої тән кыжі,
Ійнә пої сары кыз,
Айманышхан куу мончок,
Кубулушхан кан арзолар,
Кууа талгаак оїнду,
Уч тїшкунду кана кыз,
Судан чїхкан су тору,
Су тегульбесь йорголу бїй,
Эрдәп чїхкан эрь тору,
Эрдән кара чїрайлю,
Тамандарын саргарган,
Тануларын яжірган,
Ажіргызы турул атам,
Атан эрїю бїштангын,
Аталу кыжі атазына
Бїйлю кыжі бїінә,
Эрь әжіктән уунап-корь
Дерт толуктан уйляп-корь,
Кызыл әнгере кыйляп-корь,
Яжіл әнгерь яйляп-корь,
Эскы йолун янылба,
Атхан охтон турьгәнә тїл.
Агар суудан шуулак тїрт,
Ігәнә эльчїк тартып-корь,
Атхан огун суруп-тїл,
Айлу кәбын алып тїл,
Айна кәбын тартып-тїл,
Куньду кәбын берїп-тїл,
Ташхан өпком пазынып-тїл,
Талайган колун тартынгын,
Кату куньгә капсалба,
Казыр куньгә тәрменьбе,
Ялбаргамын тындай тїл,
Ялынгамын угуп-корь,

Тенылъ сынын берік-корь,
Кан тарынбас болор-ба?
Пура корьбесь болор-ба?
Кодюргәнъ-заік кольгібе,
Атхарган-заік ажікпа
Узун тышкә эньчу берь,
Узун тюньгә укузун берь,
Ял боінче тілыш берь.
Кол боінче кунак сал.
Алтон ілгы арбыжін ал,
Жетон шілгы кәміртын ал,
Мун йілдыктын эньчуун берь,
Мун тюньдуктык укузун сал.

После этого призыванія камъ *аймап-ят* охватываетъ буб-
номъ и орбой хозяина юрты и произноситъ:

Атан эрік баштанып-порь
Чокан эрьгә пуу салба.
Поом эрьгә пуудалба,
Атан эжічын анча кыр,
Он тызезін таяна бар,
Таш орбума таралып-пар,
Табылгы камчіма теленіп-пар,
Тыжім-быле чечіліп-пар,
Тілім-быле куунап-тіл,
Тібыртым-быле ййляп-карь!

5) Семейству Ульгәня.

Парча Атазы бай Ульгәнъ
Уле энезі *Тазы-ган* (жена Ульг.)
Пулут ялду *Пура-ган* (сынъ)
Тооло му тогус кыс,
Теэбнын теты кыс.
Кур-бахынту *Кулай-хан*
Муутан чагыр *Косьту-хан*
Толган айча *Шюсьту-хан*. (дочери)

6) Мансар-гану.

Айгыр ялду тео-кан
Ажіргызы Мансар-ган,
Атор ашпас ар муусь,

Тенгере тезі тебільгәнъ,
Темірь капхак кагылган.
Эрькын углы соо-кан
Ай чіхпастан ай чагарган
Казыр турган соо-кан
Орбу кагар он колума
Эрь алдымнан кулэп-кэль!

7) Пырчу-гану.

Акпос адын ярадып,
Аг-Ульгәнъ-быле ярышхан,
Кокпос адын ярадып
Ког-Ульгәнъ-быле ярышан.
Ульгәнъ канын неэні,
Айгыр ялду адам Пырчуган
Орбу кагар он колума
Оп яныма кулэп-кэль!

8) Келегэю.

Кыйгылуга кыпчалу,
Кылыштуга ярхынду,
Телен кыжіэ тіль берьбесь,
Телегелтэ яй берьбесь келегэй,
Алдып-болбос келегэй,
Адып яспас сологой келегэй
Атхан оогы таштан одерь,
Айтхан тілі неэдэн одерь,
Контдой темірь когусьту,
Коо темірь ярынду,
Калбак темірь камакту
Сым кара таш тюректү,
Адалуга яй берьбесь
Кара темірь карсманду,
Темір адам терьсь карак
Эрь алдыма кулэп-кэль!

9) Абагану.

Абаганын алыптар
Ак торко кымду,
Ак чалдар мінешту,
Куу муусь таякту,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

10) Мордо-хану.

Абаган бажі мун шакшак.
Кэзе більгэнь Мордо-хан!
Абаганын чамгыл ура
Чамгыл пулут эрькушту,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

11) Алтай-хану.

Алтын конгуру солыныц,
Алтон беш уулан тюнады,
Адышка чіхкан Алтай-хан!
Кумюш конгуру солыныц,
Крык пеш уулан тюнадыц,
Курешкэ чіхкан Алтай-хан!
Мууэ янын сій тархан,
Темір узенгэ теже атхан,
Он экы мюйгак саанду,
Алтай-хаанын атазы
Ат кодюрбесь байзым-хан
Эрь алдыма кулэп-кэль!

12) Ему-же.

Тамыр болгон Алтай-хан!
Таспа болгон Кангай-хан,
Ахкалаган кан-Алтай
Тээрелегэнь Эрь демічі
Кымчадан кыйлят,
Ямчадан яйлят,
Каамыттан калкале,
Туумуда тузала,
Мендурьлю кундэ пелек бол,
Ямгырлу кундэ ябылак бол,
О мырыдан ачік конок берь,
Октон коні йол берь.

13) Эрлику.

Кара аргымак мюшюстьту,

Кара кумдус тюжекту,
Курдак этпесь бельду,
Кучак этпесь моіжду,
Карыш полгон камакту,
Кара мік сагалду,
канга чапхан чірайлу,
Кагасха чапхаю пэтьту,
Энуэробесьты эндэрьгэнь,
Эрлік ада уч покто!
Покторбосты покторгон,
Пуурул адам уч покто,
Кара аргымак мюнетьту,
Кара тібек тіскіньду,
Кара ділан камчілу,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

14) Окту-гану.

Акпос адын ярадып,
Аг-Ульгэнэ яргы алган,
Ай чікпас яннан ай чікхан,
Эбре янын сай-агаш,
Энэ Майгыл очі кыс,
Курэк аірмаш Окту-ган,
Тюльтрекче ялду-ган,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

15) Пурхан-хану.

Адым углы Пурхан-хан!
Тенгере углы Яжін-хан,
Ульгэнь углы Керьгыдай,
Мень тутпазам, сень туттургын,
Эрь алдыма кулэп-кэль!

16) Духу жертвы.

Пура сакчізы Перьбы-хан!
Пур энезі пос булан
Эрь алдыма кулэп-кэль!

17) Меркуту.

Тенгере кужі беш Меркут!

Тесь тырмакту казыр куш,
 Ай тырмагы эсь болгон,
 Ай тумчугы мус болгон,
 Ябырь тюбыр канатту,
 Пазар пузар куйрюкту,
 Сол канады ай пюрькэгэнь,
 Он канады кунь пюрькэгень,
 Тогус кара куш энези
 Яік кечіп янғылбас,
 Яагы алды чімар кас,
 Эдль кэчп эрікпесь,
 Ээгы алды чімар кас,
 Эне мерет чамгыл куш,
 Эрь алдыма кулэп-кэлы!
 Он козюме ойной кэлы!
 Он ярдыма коно-кэлы!

Все призываемые духи отвечают: «ао, кам, ай», исключая Меркута или Беркута, который, какъ птица, отвечает: «кагак, как, аа, кам, ай!»

Далее каждый сеок призываетъ своего фамильнаго бога; напр., потомки Мундусовъ и Теолессовъ призываютъ *Тотоя-Паяну* — владыку града, грома и дождя, величая его такъ:

Пудай чілап пурулган,
 Мус пырчак чілап тегульгэнь,
 Мус пырчактан ярылып — тюшкэнь,
 Музыган — ханын теэші,
 Атам Тотой тенгере,
 Ай келеттэнь янынан,
 Алтын судэрь саінган,
 Кунь келеттэнь янынан,
 Кумюш судэрь саінган,
 Айляныжа ай качірган,
 Коленыже кунь качірган,
 Он экы тапты таптулу,
 Он экы катта оінду,
 Он уч сырык кубатлу,
 Коромолымга бергэймінэн,
 Коозына яягаймінэн.

Чемъ более камъ набираетъ въ бубень гостей, темъ сильнее бубнить, покачивая бубномъ, какъ-бы отяжелевшимъ, и наконецъ встаетъ, обходитъ одинъ разъ вокругъ талты, подходитъ къ двери, спрашиваетъ у дверника — *эжіктегы*, скромно и тихо, съ подобострастіемъ, какъ у начальника, присевъ и держа

бубень на колене ребромъ, тихо бубня и покачиваясь, со словами:

Білер біім сень эдэн,
Більбесь кулдун мень эдэм,
Яан біім сень эдэн,
Яргылу кулдун мень эдэм,
Кажі канга кагып-чігаін?
Кажі бійгэ кулэп-чігаін?
Ончо каннын яргызы
Тоолын кааннын башнізы
Эрь алдыма эльчі берь
Эрь алдыман баштазын.

Отъвъ тъ:

Атам пырхан тенгере канга кулэп-чік,
Атам пырхан тенгере канга кагып-чік
Он яргызын алып чік,
Атаганымды атам пырхан тенгерэ тут.

Выслушавъ ответъ, камъ встаетъ и, на ребро держа бубень у груди, три раза кланяется головою и бубномъ, говоря:

Уч погуна мерьгуін,
Тілін сенін яру болзын,
Тізен сенін чогу болзын,
(опять кланяется)

Эрь эжікэ сака туд
Эсь кылыжін таян тур,
Айна кельзе айдап-тур,
Эк кельзе экырып-тур,
Козо яманга корьгусьпе,
Кууі яманга тандатпа,
Ічі кырлю кельбезію,
Ічігэзі тату паспазын,
Алды кыімін бош салба.

Съ легкимъ поклономъ и качаніемъ бубна камъ выходитъ на средину юрты и со всею смелостію и бойкостію начинаетъ бубнить. Хозяинъ въ это время подходитъ къ *тапты*, камъ ударяетъ его слегка орбой и потираетъ его спину поперегъ. Это — камъ очищаетъ хозяина отъ всякаго вреда Эрликова и припевааетъ:

Атхан оогун суургын
Ійгэнь эльміч алгын,
Алтон ілга айлянбазын,
Тетон ілга тепсельбезін,

Ахтан охтон теігыль ал,
Агын судан тюргэнь ал.

Камъ обнимаетъ хозяина и потомъ хозяйку спереди бубномъ, а сзади орбой и проводитъ ими поперегъ и, какъ-бы снявъ съ нихъ такимъ образомъ все худое, подходитъ къ двери и, сильно ударивъ одинъ разъ въ бубенъ, вскрикиваетъ:

Чок!
Кельгэнь йолын янылба,
Кечкэнь сууи эндебе,
Алтайхадан ажа бар.

Потомъ говоритъ хозяину:

Ат бажінча алтын кут,
Арха сеогын йохтоп-бар,
Кой бажінча конур-кут,
Сын омыртка йохтон-бар.

И, приподнявъ бубенъ надъ ухомъ хозяина, сильно ударяетъ. Это значитъ — впускаетъ въ ухо *тюла* (*тюлазын уруп-ят*) для того, чтобы хозяинъ слушалъ внимательно предсказанія кама. После этой предосторожности представляетъ, что будто-бы надеваетъ на хозяина кольчугу и шапку. Тоже представление камъ повторяетъ надъ женою и прочими членами семейства и, обойдя вокругъ огня и *тапты* три раза, и въ каждый разъ, когда бываетъ впереди близъ *толу*, преклоняясь съ бубномъ, проворно какъ-бы подхватываетъ что-нибудь бубномъ съ земли из-подъ *толу*, часто произнося: *о гоп!* и затемъ обхватываетъ *толу* бубномъ и орбой. Эти действия совершаются быстро, съ сильнымъ бубненьемъ и громкимъ произношеніемъ стиховъ. При этомъ боязливые выходятъ вонъ, а не осторожныхъ камъ иногда сшибаетъ и затаптываетъ. Обхвативши *толу*, камъ живо становится одной ногою на нижней ступеньке *тапты* и, поднявъ бубенъ вверхъ, сильно ударить и вскричить: *чок!* это значитъ: все и всехъ съ земли приподнявъ, онъ предпосылаетъ на небо.

Мны о гоп!
Эрь кудюръбесь эзіре тоолу
Мны о гоп!
Тоолучілар толу-былан
Пайталчілар пайтал-былан,
Мны о гоп!
Алтын теле, алтын тасхак,
Мны о гоп!
Алтын шіре, алтын тюкеле.
Мны о гоп!